

МАСК: ТЭЙРИ

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс
Маск: Тэйри

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Маск: Тэйри / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851565-1

На планете Маск молодой горец по имени Джубал Дроуд покидает отчий дом, чтобы попытаться счастья. Находчивость и отвага позволяют Джубалу войти в число доверенных лиц аристократа Нэя Д'Эвера. Джубал пытается заслужить расположение дочери Д'Эвера, и становится соперником Рамуса Имфа. Джубал следует за Рамусом на другую планету, настигая его среди ваэлей — странного народа, поклоняющегося разумным деревьям. Именно деревьям суждено решить, чем закончится поединок Джубала с Рамусом.

ISBN 978-5-44-851565-1

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	31
Глава 5	33
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Маск: Тэйри

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет
Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2019
© Александр Фет, перевод, 2019
© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4485-1565-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Восточные¹ пределы Ойкумены граничат с примечательным вкраплением пустоты, Большой Дырой. В этой галактической глуши почти никто никогда не бывает – ни космических торговцев, ни скитальцев там ничто не прельщает. За Большой Дырой мерцает Зангвильский Риф: волнистая полоса редких звезд зловещей репутации. Не удивительно, что окрестности Большой Дыры пустынно.

В глубине Большой Дыры горит звезда, Мора. В систему Моря входит своего рода астрономическая достопримечательность – небесное тело, состоящее из Маска и Ская, двух планет-близнецов примерно одинаковой массы, вальсирующих по орбите громоздкими эпициклами.

Скай и Маск населены. Никто не знает, сколько человеческих волн мигрантов пересекли бездну Большой Дыры, чтобы осесть на планетах Моря – возможно, не больше двух. В последнюю очередь прибыл контингент из четырнадцати кораблей догматических отказников с планеты Диософеды, обнаруживших на Маске и на Скае народ необычайной древности: сайданийцев, уже настолько отступивших от экуменического прототипа Homo gaea, что их относят к отдельному виду Homo toga.

Зангвильский Риф преградил путь отказникам, и четырнадцать звездолетов опустились на Маск. Новоприбывшие изгнали сайданийцев из обширной страны, нареченной ими «Тэйри» в честь Эйуса Тарио, толкователя истинной Догмы. Команда тринадцатого корабля не признавала принцип троебожественности Эйуса Тарио; отступников изгнали в Глентлин, суровый скалистый край на полуострове у западных границ Тэйри. «Неискупимые» с четырнадцатого корабля отвергали и Догму как таковую, и «превозвышенность» Эйуса Тарио в частности – им запретили приземляться в Тэйри. Звездолет неискупимых, атакованный, судя по всему, парой космических шлюпок отказников, разбился в горах Дохобей и больше в скрижалях истории не упоминается.

«Двенадцать команд» разделили Тэйри на дюжину округов и сформировали государство в строгом соответствии с «Догматическими предписаниями». Диософед, исходный мир отказников, стал образцом всего, чего следовало избегать. На Диософед преобладала шумная городская жизнь – в Тэйри поощрялись буколические поселки и разрозненные фермы. Диософиды контролировали стихийные процессы, предпочитая искусственные среды обитания – тариоты посвятили себя сохранению естественных ландшафтов и применению материалов

¹ Общепринятые направления галактических координат определяются так же, как стороны света на любой планете. Направление вращения – восточное, противоположное – западное. Если мизинец правой руки указывает на восток, а ладонь обращена к центру Галактики, выставленный под прямым углом большой палец указывает на север. Юг противоположен северу. При этом направления «внутри» и «наружу» соответствуют перемещению к центру и от центра Галактики.

натурального происхождения. Диософиды легкомысленны, циничны, склонны к неуважению властей, гоняются за новинками и сенсациями, довольствуясь поверхностными, фальшивыми заменителями переживаний. Тариоты присягнули идеалам долга, простоты и умеренности, уважения к общественному положению.

Приспосабливаясь к недружелюбной природе Глентлина, отступники с тринадцатого корабля обособились от остальных тариотов – их потомков мало-помалу стали называть «глинтами». У глинтов и тариотов развились карикатурные представления друг о друге. В Тэйри слово «глинт» связывалось с понятиями хамства, неотесанности, необузданности. С точки зрения глинта быть тариотом значило быть человеком двуличным, скрытным и утонченным до извращенности.

Многие глинты занялись плаванием по Пространному океану. Со временем моряки выработали концепцию океанского национализма. Другие – главным образом кланы, населявшие верховья рек в Маркативных горах – превратились в разбойников, разорвавших склады и торговые посты Айзедея, Свейнджа и даже Гвистель-Амета в поисках утвари, инструментов, тканей и прочего добра. Тариоты не остались в долгу, напустив на Глентлин сайданийских наемников (так называемых «перруптеров»), но глинтов удалось усмирить лишь три столетия спустя, после чего Глентлин по существу стал тринадцатым округом Тэйри.

Без перемен не обошлось и в других областях Маска. Неискупимые, выжившие при крушении четырнадцатого корабля, заявили о себе в лице потомков – ваэлей из Уэлласа и различных племен Дохобея. Сайданийцев, вынужденных довольствоваться дикими просторами Верхнего и Нижнего Джанада, прозвали «джанами». Джаны упорствовали в приверженности не поддающимся уразумению древним обычаям. Вытесненные с лучших земель планеты, они не испытывали к победителям ни любопытства, ни озлобления. Таким же безразличием отличались и сайданийцы Ская.

Шли столетия, медлительно сменялись эпохи сонного благополучия и вялого недовольства. Догматические устои отказников смягчились; теперь Тэйри пестрела множеством региональных характеров и тщательно подчеркиваемых контрастов. Вопреки традиционным запретам иные поселки разрослись, причем крупнейшим городом оказался Визрод на берегу залива Тенистерле. Тем временем умножалось и сельское население – до тех пор, пока лишним людям не пришлось искать заработок в чужих краях. Поиски нередко оставались тщетными. Взрослевшие молодые люди, как горожане, так и селяне, не находили достаточного выхода своей энергии. Натолкнувшись на наружную стену, их воображение повернуло внутрь – «Закон о чуждых влияниях» начинал вызывать раздражение.

Как осенней дымкой, страна подернулась горьковато-приторным ощущением недомогания, людьми овладевали противоречивые влечения – наслаждение пасторальным покоем, ностальгия и еще живые догматические доктрины не вязались со всепроникающей умственной затхлостью и духовной клаустрофобией. Появились мечтатели, помышлявшие об эмиграции. Изредка небольшим группам смельчаков удавалось совершить этот трагически необратимый шаг – о них больше никто никогда не слышал.

Брожение умов вызывалось еще одним тревожным влиянием – ходили слухи о тайной организации «пансайданийских байнадаров», по-видимому посвятивших себя идее изгнания тариотов с Маска. Байнадары ставили в тупик ответственных должностных лиц, так как ни джаны, ни скайские сайданийцы не проявляли склонности к плетению интриг. Кто, в таком случае, подстрекал байнадаров? Кто формулировал их планы, поддерживал в них боевой дух? Подобные вопросы изрядно отягощали умы сотрудников тариотских разведывательных служб, но никакой осмысленной информации им добыть не удавалось.

Глава 1

Распространяясь на запад, Маркативные горы, отделяющие Тэйри от Джанада, выступают в Пространный океан почти бесплодным Глентлинским полуостровом, дающим питание немногочисленному населению, с учетом скудости ресурсов не менее плотному, однако, чем тариотское.

На северо-западной оконечности Глентлина, где нагорье Ледокопов, сужаясь, переходит в мыс Стрешения, находятся поместья клана Дроудов, принадлежавшие Бенруту, патриарху по праву первородства, то есть дроуду клана Дроудов. Согласно действовавшим в Тэйри неумолимым законам о распоряжении имуществом, рано или поздно владения Бенрута должен был унаследовать его старший сын Трюэ. Младшему же сыну, Джубалу, будущее не внушало оптимизма.

Тем не менее, наделенный от природы крепким здоровьем и уверенностью в себе, Джубал приятно провел детские годы, оживленные еженедельными пирами Бенрута, развлекавшего родню из клана Дроудов и праздновавшего сладостную мимолетность бытия. Застолье нередко принимало буйный характер, веселье гостей граничило с дерзостью. Однажды кто-то из шутников зашел в проказах слишком далеко. Бенрут осушил бутылку вина и упал на пол в судорогах. Брат его Вайдро немедленно влил Бенруту в глотку смесь растительного масла с сахаром и принялся энергично разминать ему живот. Отравленного вырвало – к несчастью на бесценный джанский ковер², с тех пор красовавшийся темно-желтым пятном.

Вайдро попробовал кончиком языка каплю вина из бутылки Бенрута и тут же выплюнул. Он не высказал никаких замечаний – в них не было нужды.

Несколько недель Бенрут страдал желудочными коликами, а бледность его прошла только через год. Все сходились в том, что шутка с ядом переходила границы любого разумного определения юмора. Кто позволил себе столь безответственную выходку?

Среди пировавших в тот день была ближайшая родня Бенрута – его супруга Войра, Трюэ с молодой женой Зонной и дочерьми Мерлией и Теоделью, а также Джубал. Кроме них присутствовали Вайдро, Кадмус офф-Дроуд (незаконнорожденный сын Бенрута от девушки-тариотки из клана Каргов, проводившей Яр³ на мысу Стрешения) и четверо горцев-Дроудов, в их числе некий Ракс, известный бесшабашностью и непристойным нравом. Ракс наотрез отрицал свою причастность к возмутительной проделке, но его протесты сочувствия не вызывали. Впоследствии Ракс вернулся к цитадели Дроудов лишь однажды, чтобы участвовать в событиях еще более судьбоносных.

С тех пор Бенрут пировал редко, да и веселья прежнего уже не было. Предводитель Дроудов стал чахнуть и лысеть. Через три года после отравления он умер. На похороны явился Кадмус офф-Дроуд в компании визродского горожанина лукавой наружности, по имени Зох-

² Джаны ткнут роскошные ковры, знаменитые исключительной детальностью орнамента, нередко достигающей полутора тысяч узелков на квадратный сантиметр. Ссылаясь на число жизней, затраченных ткачами на изготовление того или иного джанского ковра, его называют «пожизненным», «двухжизненным» и т. д.

³ Яр – беспечная пора, время перехода от юности к зрелости. С наступлением Яра юноши и девушки Тэйри и Глентлина становятся скитальцами, странствуя по всем тринадцати округам. Они передвигаются только пешком и ночуют на постоялых дворах или на открытом воздухе, в полях и на горных лугах. Скитаясь, они занимаются полезной работой, украшающей пейзаж – сажают деревья, чинят дороги и тропы, расчищают сухие заросли ежевики, выпалывая капкан-траву, пагубную седую поросль и чертополох. Если кто-то уклоняется от работы, лодыря замечают, и за ним, нередко на всю жизнь, остается прозвище «храус» («слабак», «мелочная душонка», «дезертир»). Любовь мучительна и дружба крепка в эту пору, мучительнее и крепче, чем когда-либо. Воспоминания последних дней юности остаются навсегда – смеющиеся лица, красное вино в лучах походной лампы, звуки флейты и мандолины, ночи тихих потаенных слов, проведенные на склонах зеленых холмов под мерцающей в непроглядном мраке лентой звезд Зангвильского Рифа или под плывущим в небе циклопическим волшебным фонарем Ская. Скоро, слишком скоро проходит Яр – юность не возвращается никогда.

рей Карг, назвавшегося генеалогом и арбитром по спорным делам о наследствах. Тело Бенрута еще не возложили на погребальный костер, когда Кадмус выступил вперед и объявил себя друудом клана Друудов по праву первородства. Возбравшись на помост для сожжения усопшего, чтобы его все видели и слышали, Зохрей Карг поддержал притязание Кадмуса, ссылаясь на несколько прецедентов. Трюэ и Джубал застыли, онемев от такой наглости, но Вайдро, сохранивший невозмутимое спокойствие, подал знак кое-кому из родичей. Кадмуса и Зохрея схватили и вытолкали, причем Кадмус упирался, грозя кулаком и выкрикивая проклятия. Так же, как пресловутый Ракс Друуд, Кадмус впоследствии вернулся в цитадель Друудов лишь однажды.

Друудом рода Друудов стал Трюэ, а Джубалу пришлось серьезно задуматься о будущем. Возможности не вдохновляли. От перспективы изнурительного труда на тариотских фабриках он решительно отказался, хотя прилежные, пунктуальные работники время от времени добились относительного благополучия. Будучи глинтлом, Джубал не мог надеяться на карьеру в воздушном патруле или в милиции. В Космический флот и в Благотворительную службу⁴ принимали только высокородных отпрысков тариотских кланов – этот путь был закрыт. Для приобретения пользовавшихся спросом профессиональных навыков требовались годы прилежной учебы. Кроме того, практикующие специалисты нередко страдали психологическими нарушениями, вызванными особенностями ремесла. Джубал мог остаться в поместье Друудов управляющим, доверенным помощником главы семейства или, на худой конец, рыболовом. Жизнь в лоне родного клана была не лишена удобств, но шла вразрез с самолюбивыми надеждами. Джубал мог плавать по Пространному океану на фелуке океанских националов⁵ или сделать окончательный и бесповоротный шаг в неизвестность – эмигрировать⁶.

Возможное не удовлетворяло, приемлемое не представлялось возможным. Нетерпеливый и подавленный, Джубал решил начать свой Яр.

Из цитадели Друудов он вышел по извилистой дороге, поднимавшейся мимо Пяти водопадов по ущелью Морозных ключей на нагорье Ледокопов, где немного погодя начинался округ Айзедель, а оттуда спустился долиной реки Гриф в Тиссано на океанском берегу. Там он помог местным жителям чинить подмости дощатого настила, тянувшегося над приливной равниной⁷ на расставленных крест-накрест пятнадцатиметровых сваях и соединявшего береговую возвышенность с Черноскальным островом.

Джубал продолжал путь на восток по Пространному взморью, просеивая граблями пляжный песок и сжигая прибитые волнами плавник и сухие водоросли. Удалившись от моря, он долго бродил по округу Крой, подравнивая садовыми ножницами живые изгороди и выдерживая с корнями попадающуюся на пастбищах седую поросль. Из Зейма Джубал отправился на юг, чтобы обойти стороной Визрод, и немало потрудился в селениях Древодруна и Фьямета. В Чилиане он очистил от ветвей и распилил поваленные бурей стволы пряного дерева, после чего продал чурбаны скупщику ценных пород. По дороге через Атандер Джубал целый месяц работал в лесу, избавляя деревья от сапрофитов и насекомых-вредителей. Еще один месяц он

⁴ Благотворительная служба консультирует квадратов различных джанских территорий, ненавязчиво контролируя деятельность джанов и выявляя признаки пансайданийской агитации.

⁵ Мореплаватели Пространного океана провозгласили суверенную независимость всех морей, кроме береговых вод, и гордо именуют себя «гражданами Морской нации».

⁶ Закон о чуждых влияниях запрещает тариотам межпланетные полеты, не разрешает инопланетным жителям посещать Маск и возвращение эмигрантов не допускает в принципе.

⁷ Высота приливов Пространного океана, возмущаемых близкой массой Ская, достигает в среднем тринадцати метров. Мыс Коготь Грабанда, скалистая оконечность далеко выдающегося в океан Вероломного полуострова, создает естественный барьер, отражающий приливную волну к Беспечным островам, где она разбивается на множество потоков, непредсказуемо различающихся по скоростям течения. На другой стороне планеты, в проливе Тротто, такую же роль приливного волнолома играют Большой Морк и окружающие его мелкие острова. Если бы не эти преграды, приливная волна, бегущая по опоясывающему всю планету океану, достигала бы шестидесяти пяти метров в высоту.

чинил дороги Пурпурного Дола, а затем, поднимаясь на юг по предгорьям Сильвиоло, вышел на Верхнюю тропу.

Здесь он остановился, в нерешительности глядя то налево, то направо. К востоку простирались виноградники Дорфо, где можно было бродяжничать еще полгода. На западе тропа карабкалась под самые вершины Маркативных гор и возвращалась в Глентлин параллельно джанадской границе. Хмурый и притихший, Джубал, будто почуяв осенний ветер старости, повернул лицом к закату.

Дорога вела его в страну белых доломитовых утесов, отражавших фиолетовое небо безмятежных озер, лесов тирса, кия и диакапра. Джубал не торопился, выравнивая и укрепляя осыпавшуюся местами тропу, вырубая поросли вездесущего чертополоха, собирая и сжигая охапки валежника. По ночам, опасаясь горных сланов и ядовитых бесов, он спал на постоянных дворах⁸, где нередко оказывался единственным гостем.

Подрабатывая по пути через южные окраины Керкаддо и Лукана, Джубал оказался в Свейндже. Теперь только Айзедель отделял его от родного Глентлина – вольному бродяжничеству подходил конец. Неторопливость и задумчивость Джубала удвоились. Проходя по деревне Айво, он заглянул в трактир «Дикая ягода». Хозяин, содержащий также деревенскую гостиницу, хлопотал в трапезной: карикатурно удлиненный персонаж, будто вышедший из кривого зеркала. Впечатление вытянутости усугублялось жестким хохлом, торчавшим из прорези в цилиндре на голове.

Джубал пояснил, что хотел бы остановиться на ночь. Трактирщик указал на коридор: «В комнате для ранних пташек уже прибрано. Обед после второго удара гонга. В таверне обслуживают, пока не стемнеет». Тощий верзила оценивающе взглянул на коротко подстриженную светло-серую шевелюру Джубала, не любившего прятать голову от солнца и ветра: «А ты у нас, как я посмотрю, глинт – что само по себе не грех, если ты возьмешь на себя труд не ввязываться в споры по любому поводу и не приставать к каждому встречному-поперечному, предлагая соревноваться в храбрости и ловкости».

«У вас странное представление о глинтах», – заметил Джубал.

«Напротив, самое справедливое! – возразил трактирщик. – Не успел рта раскрыть, а ретивое уже взыграло. Знаю я вас, горцев!»

«Я не намерен ни с кем состязаться, не интересуюсь политикой и даже пью умеренно, – успокоил его Джубал. – Я устал и отправлюсь спать сразу после ужина».

Хозяин одобрительно кивнул: «Другой на моем месте подумал бы: „До чего занудный тип!“ Только не я! У нас только что побывал инспектор. Он соизволил найти на кухне таракана, и мне осточертели нравоучительные тирады». Трактирщик налил кружку эля, поставил ее перед Джубалом и не преминул наполнить еще одну для себя: «Полезно для нервов!» Энергично обратив лицо к потолку, содержатель заведения опрокинул кружку над широко открытым ртом. Джубал смотрел, как зачарованный: впалые щеки не дрогнули, жилистая шея не проявила никаких признаков глотательных движений – эль исчез во мгновение ока, как если бы его выплеснули в отхожее место. Пустая кружка вернулась на прилавок, а огорченный трактирщик вернулся к изучению внешности молодого постояльца: «Яр не дает покоя?»

«Уже давно, осталось недолго».

«Эх! А я бы снова пустился бродить – были бы ноги молодые! Увы, юность не вечна. Есть какие-нибудь новости, что слышно?»

«Ничего особенного. В Лерлоке жалуются на жаркое лето и скудные дожди».

⁸ Тариотские постоялые дворы по закону располагались на расстоянии не более десяти километров один от другого с тем, чтобы любой путник, припозднившийся по дороге, мог найти ночлег и пищу. Хозяева этих приятных, но сходных заведений поддерживали чистоту и порядок и предоставляли постояльцам необходимые удобства – отчасти благодаря бдительному контролю со стороны инспекторов из Коммерческого бюро.

«Такова извращенная природа вещей! А у нас на прошлой неделе разверзлись хляби небесные – все арыки размыло. Что еще?»

«Под Фаниэлем слан⁹ зарубил топором двух женщин. Он бежал в Джанад – когда я проходил мимо, на тропе кровь еще не высохла».

«Опасные у нас места, до границы рукой подать, – хозяин строго поднял указательный палец. – Всего десять километров! Тревожные слухи каждый день. Джанов в двадцать раз больше, чем нас. Ты об этом когда-нибудь задумывался? Если они все сразу одичают, что тогда? Дня не пройдет, как от каждого тариота на Маске останутся одни потроха! Ненависти джанам не занимать. Пусть их напуская любезность тебя не обманывает».

«Джаны только слушаются, – пожал плечами Джубал. – Они неспособны руководить».

«Взгляни-ка вон туда! – трактирщик указал на чудовищный полумесяц Ская, не помещавшийся в открытом двустворчатом окне. – Там их руководители! Там у них звездолеты, приземляются у самой границы. По-моему, это наглая провокация».

«Звездолеты? – удивился Джубал. – Вы их видели?»

«Мой джан говорит, что видел».

«Джаны врут почему зря».

«Так-то оно так, но не всегда и не обо всем. Не спорю, их басни бессвязны и легкомысленны, но придумать историю про звездолет у них не хватило бы воображения».

«Мы не можем контролировать сайданийцев. Если им приспичило наведываться в Джанад, кто и как им помешает?»

«О безопасности Тэйри должны заботиться служители народа, – отвечал трактирщик, – а они не приходят ко мне за советом. Еще эля? Или ты уже проголодался?»

Джубал поужинал и, не находя достойных внимания развлечений, улегся в постель.

Утро обещало прохладный безоблачный день. Выйдя из гостиницы, Джубал стал подниматься в горную страну сверкающих белоснежных утесов и свежего ветра, напоенного ароматом влажного тирса и дымкой луговых испарений. В трех километрах к западу от Айво, на южном склоне горы Кардун, тропа, сметенная оползнем, обрывалась.

Джубал осмотрел обрыв, оценил размеры разрушений и вернулся в Айво. Там он нанял трех джанов, позаимствовал инструменты у хозяина комиссионной лавки, вернулся на склон Кардуна и принялся за работу.

Предстояло решить непростую задачу. Сложенную из необтесанных камней подпорную стенку, больше двадцати метров в длину и от полутора до трех с половиной метров в высоту, унесло метров на сто вниз и разбросало по крутой ложбине. Джубал поручил джанам вырубить в склоне основание для новой стенки, а сам срубил четыре стройных тирса и соорудил из стволов грубо сколоченную подъемную стрелу, нависавшую над ложбиной. Закончив подготовку фундамента, все четверо стали затаскивать камни вверх по склону и начали новую кладку.

Прошло семнадцать дней. Они уложили две тысячи камней – каждый требовалось обвязать, поднять на канате, перенести к тропе, поворачивая стрелу, плотно подогнать и закрепить утрамбованной землей. На рассвете восемнадцатого дня повеяло холодом. Тяжелые грозовые тучи ползли с востока, постепенно заслоняя Скай – огромный туманно-черный шар, подернутый накипью собственных облаков. Космологические представления джанов, хитроумные и даже в чем-то проницательные, существенно менялись в зависимости от обстоятельств. Те или иные знамения нередко возбуждали в них непостижимую реакцию.

⁹ Если миролюбивого и уступчивого джана вынуждают оставаться в одиночестве, любой пустяк может вызвать у него приступ безудержной ярости. Скрывшись в горах или в лесу, бешеный джан дичает и превращается в изобретательного садиста, «слана», совершающего одно зверское убийство за другим, пока его не уничтожат.

Этим утром джаны не выходили из хижин. Подождав минут десять у гостиницы, Джубал спустился к подножию холма, где пришлые поденщики устроили нечто вроде постоянного табора. Чтобы свести к минимуму простои, вызванные притворными недугами и капризами, он нарочно нанял трех джанов из разных жилищ,¹⁰ и теперь ходил от хижины к хижине, колотя по низким крышам деревянным шестом и вызывая работников по имени. Через некоторое время те нехотя выкарабкались наружу и последовали за ним, ворча и жалуясь, вверх по тропе. По их мнению, день не предвещал ничего хорошего – в лучшем случае они рисковали простудиться, промокнув под дождем.

¹⁰ Сайданийцы Ская и джаны Маска относятся к виду *Nomo toga*, неспособному давать потомство при скрещивании с человеком Ойкумены, *Nomo gaea* (хотя вазлей Уэлласа и некоторые племена Дохобей многие считают гибридными расами). Сайданийцы и джаны отличаются типично человеческими, выразительными чертами лица и грациозными пропорциями гибких тел. У них черные волосы и бледно-оливковая кожа, нередко отливающая тусклым металлическим блеском. Темно-зеленые, иногда почти черные глаза джанов обычно не позволяют различить горизонтально удлиненные эллиптические зрачки. На Скае эта разновидность человека практически стабилизировалась благодаря неповторимой системе общественных императивов (так называемых «первичных принципов»). На Маске, где нашествие тариотов вызвало генетические возмущения, для джанов характерно большее разнообразие типов. И джаны, и сайданийцы упорно придерживаются строго определенной иерархии социальных взаимоотношений. Все делается согласованно, в точном соответствии с общепринятыми и общеизвестными методами. Минимальное общественное образование джанов – группа из четырех индивидуумов, как правило двух мужчин и двух женщин, формирующих нечто вроде кооператива, ведущего совместное хозяйство. Каждый член такого кооператива состоит в «браке» с лицом противоположного пола из другого кооператива, хотя любому джану или сайданийцу свойственна склонность к неразборчивым мимолетным связям, которые изредка сопровождаются половыми актами, но по большей части ограничиваются выражениями взаимной привязанности, обменом подарками, внимательным уходом за прической и одеждой партнера и т. п. Таким образом, каждое «хозяйство» соединено узами брака с четырьмя другими кооперативами. Распространяясь в геометрической прогрессии, эти связи охватывают и объединяют все население Джанада. Поведение джанов варьирует в зависимости от численности каждой конкретной группы. Никакой джан не может чувствовать себя беззаботно в группе, состоящей из менее чем четырех человек. В группе из трех джанов скоро начинают возникать трения, такие джаны становятся беспокойными, повышают друг на друга голос, не находят себе места и проявляют чрезмерное усердие, выполняя ту или иную работу. Два джана, остающиеся один на один в течение продолжительного времени, стимулируют друг друга настолько, что их отношения перерождаются в страсть или взаимную ненависть. Одиноким джан в отсутствие социальных ограничений теряет внутреннюю ориентацию и становится психически неустойчив, даже опасен. Тариоты пользуются услугами групп работников-джанов, нередко многочисленных, руководствуясь следующими правилами. Один джан, если его никто не погоняет, бесцельно проводит время. Два джана обращают друг на друга слишком много внимания – либо ссорятся, либо предаются любовной неге. Между тем, работа стоит. Три джана образуют эмоционально неуравновешенную группу. Они работают возбужденно и напряженно, вымещая избыток чувств, что не всегда положительно сказывается на результатах. Четыре джана – стабильная группа. Они прилежно выполняют указания, но не слишком напрягаются и обеспокоены главным образом удобствами, а не производительностью. Пять джанов – неустойчивое и взрывоопасное сочетание. Четверо довольно скоро формируют стабильный «кооператив», тогда как пятый, не принятый в «кооператив», становится мстительным, оскорбленным изгоем. Такой отверженный джан может превратиться в бешеного «слана». Шесть джанов сразу делятся на стабильную «четверку» и двух любовников. Семь джанов вступают в непредсказуемые, изменчивые отношения, сопровождающиеся всплесками противоречивых эмоций. Восемь джанов, после существенных перестановок и замен, делятся на заговорнические фракции, взаимных испытаний, попыток подкупа, обид и перепалок, образуют две устойчивые «четверки». Перемены настроений джанов остаются загадкой для самых серьезных исследователей этой расы. Институт исследований Джанада в Визроде подготовил следующую сводку, предназначенную главным образом для тариотов, совершающих поездки в Джанад. «Одиноким джан (такие встречаются редко), столкнувшись с одиноким тариотом, лишь иногда (в 4% случаев) проявляет откровенную враждебность, но довольно часто (в 40% случаев) тайно замышляет кражу или даже нападение, кончающееся убийством. Два джана, имеющие дело с одиноким тариотом, чаще всего (в 65% случаев) сначала пристают к нему, предъявляя невыполнимые требования, но в конце концов нападают, вынуждая тариота участвовать в ряде постыдных и нелепых физиологических упражнений, выполняемых всеми тремя присутствующими и заканчивающихся смертью тариота. Два джана никогда не нападают на двух тариотов, по меньшей мере временно формируя некое напряженное подобие джанского «кооператива четверых» с участием тариотов. Три джана изредка (в 15% случаев) нападают на одинокого тариота, почти никогда (в 98% случаев) не нападают на пару тариотов и никогда не вступают в конфликт с тремя тариотами. Четверо джанов почти никогда (в 99% случаев) не нападают на одинокого тариота, но несколько чаще (в 2% случаев) совершают враждебные действия в отношении двух тариотов. „Четверка“ джанов никогда не вступает в конфликт с тремя или четырьмя тариотами. Приведенные выше статистические выкладки совершенно достоверны в отношении ситуаций, возникающих в отсутствие Ская на небе. Когда виден Скай, поведение джанов, с точки зрения тариота, становится полностью непредсказуемым – они подчиняются влияниям, неосязаемым и непонятым для людей Ойкумены». В заключение следует отметить, что, хотя в Джанаде кража – совершенно неизвестное явление, джан, находящийся в Тэйри, постоянно ведет себя, как прирожденный и неисправимый расхититель имущества. Сходным образом, в Джанаде джаны отличаются сексуальной умеренностью и сдержанностью, тогда как в Тэйри мужчины-тариоты беспорядочно совокупаются с джанскими девушками, не встречая никакого сопротивления, хотя джаны мужского пола никогда не совокупаются с женщинами-тариотками – этому препятствуют как взаимное отвращение, так и физиологическое несоответствие.

Мало-помалу тучи затянули полнеба, ударяя по вершинам гор, как выпущенными когтями, короткими лиловыми молниями. Ветер стонал в расщелинах подоблачных утесов горы Кардун. Три джана работали нервно и мало, останавливаясь каждые несколько секунд, чтобы хмуро полюбоваться грозой. Джубал и сам беспокоился – никогда не следовало пренебрегать предчувствиями джанов.

За час до полудня завывания ветра внезапно смолкли – горы замерли, объятые неестественной тишиной. Снова джаны разогнули спины и стояли, прислушиваясь. Джубал не слышал ни звука и спросил ближайшего работника: «Что такое?»

«Ничего, хозяин, ничего».

Джубал осторожно спустился по склону туда, где кончался оползень, обвязал очередной камень петлями каната. Канат не натягивался – Джубал поднял голову. Джаны стояли и слушали, внимательно обратив к небу похожие пропорционально-красивые лица. Откуда-то донеслось странное пульсирующее гудение, настолько низкое, что оно воспринималось скорее как дрожь, нежели как звук. Джубал тоже смотрел в затянутое дымкой небо, но не сумел ничего разглядеть. Звук становился все тише и скоро исчез.

Канат натянулся – джаны налегли на ворот с внезапным приливом энергии.

Наступил полдень. Сафалаэль, младший из джанов, заварил чай; все четверо закусили в тени под большим валуном. По альпийским лугам поднимался туман, обволакивавший ложбину и моросивший мелким дождем. Джаны молчаливо обменялись знаками на «языке пальцев». Когда Джубал снова приступил к работе, они колебались, но, будучи втроем, не могли согласовать побуждения и принялись понуро подгонять камни к незаконченной кладке.

Джубал снова спустился к нижнему краю оползня, затянул петли на камне и подал сигнал, чтобы его начали поднимать. Канат не натягивался. Взглянув наверх, Джубал заметил, что джаны стоят в прежних позах благоговейного внимания к атмосферным явлениям. Набрав в грудь воздуха, чтобы прокричать приказ, Джубал сдержал раздражение, выдохнул и тоже прислушался.

С запада приближалось мерное позвякивание бубенцов и низкое ухающее пение в такт торопливой поступи – так пели, чтобы шагать в ногу, совершавшие марш-бросок вооруженные отряды джанов.

Из-за поворота тропы появился тариот на одноколесном эрцикле, а за ним бегущие трусцой джаны-перруптеры – наемники-одиночки. Перруптеры двигались короткой колонной, восемь человек в длину, четыре в ширину. Тариот ехал, надменно выпрямившись – человек впечатляющей внешности с большими выпуклыми глазами, гордо сжатым ртом и курчавыми, как полоски каракуля, торчащими усами. На нем были черный китель, серые вельветовые брюки и черная шляпа с широкими, слегка загнутыми вверх полями. Он не носил кульбрасов¹¹ – тем не менее, его манера одеваться и поза позволяли предположить принадлежность к одной из высших каст. Тариот явно торопился, не обращая внимания на усталость пыхтевшего и потевшего эскорта.

Джубал в замешательстве смотрел на подступающий отряд: откуда они взялись? Тропа вела в Глентлин, нигде не соединяясь с дорогами равнинного Айзедела.

Подъехав к обрыву, эрциклист резко затормозил и досадливо взмахнул рукой. Внезапно осознав, что его разглядывают три работника-джана и стоящий ниже горец, он надвинул на лоб широкополую шляпу и отвернулся. «В высшей степени подозрительно!» – подумал Джубал. Тариот не хотел, чтобы его узнали. В то же время он очень спешил и, судя по всему, собирался проехать вдоль незаконченного, ненадежного сооружения.

¹¹ Кульбрас – личная эмблема, орнамент, табличка или другой знак отличия, отражающий принадлежность к какому-либо роду или к какой-либо касте.

Джубал закричал, чтобы предупредить его: «Стойте! Дорога обвалится! Обойдите по северному склону!»

Незнакомец, слишком капризный или самонадеянный, сделал вид, что не слышит. Он тронулся с места – эрцикл покатился по неровной тропинке, протоптанной носившими камнями джанами. Перруптеры двинулись за предводителем плечом к плечу, четверо в ряд. Джубал испуганно вскрикнул: «Куда вы? Стена обрушится!»

Покосившись на Джубала, тариот продолжил опасный путь – колесо эрцикла нерешительно колебалось, то и дело соскальзывая к наружному краю опорной стенки. Первые ряды перруптеров, упорно топавших строем, уже обвалили несколько камней, стремительно прыгавших вниз по склону. Перебегая с места на место и уворачиваясь, Джубал вопил: «Идиот! Вернись, будь ты проклят! Я на тебя ордер выпишу!»

Перруптеры маршировали, сбиваясь в кучу и нападая друг на друга там, где временная тропа сужалась. Эрциклист что-то буркнул через плечо, поехал быстрее. Перруптеры побежали тяжелой мелкой трусцой – вся незаконченная стена осела и рухнула, рассыпавшись шумным потоком, хлынувшим вниз по ложбине. Джубал упал, сбитый с ног ударами камней. Закрывая голову руками, он сжался в комок и кувырком покатился вместе с оползнем. С треском свалившись в кусты с небольшого обрыва, он лихорадочно вскарабкался под козырек скалы.

Тариот, уже выехавший на неповрежденную тропу с другой стороны обрыва, остановил эрцикл и с суровым неодобрением воззрился на новое разрушение, после чего поправил шляпу, отвернулся и продолжил путь на восток. Перруптеры тоже выбрались на тропу и поспешили за ним – вся процессия исчезла за крутым поворотом.

Убедившись в том, что работать в ближайшее время больше не придется, три джана вернулись в табор. Через час Джубал, покрытый кровотокащими ссадинами, с переломанными ребрами, беспомощно висящей рукой и треснувшей ключицей, выполз на тропу. Передохнув несколько минут, он заставил себя встать и побрел, шатаясь, в сторону Айво.

Глава 2

Со временем Джубал поправился и снова пустился на запад Верхней тропой. Проходя по склону горы Кардун, он провел десять минут в созерцании нового облицованного контрфорса на месте оползня, после чего поспешил в направлении Глентлина. Под вечер, совершив непродолжительную вылазку на юг, в Джанад, он переночевал в поселке Мурген и на следующее утро уже очутился в родных краях.

В доме Дроудов его возвращению обрадовались. Трюэ уговаривал Джубала остаться в поместье управляющим и блюстителем нравов: «Мы построим новый мол в бухте Балласа и добротный дом на лугах Стрещения! Что может быть лучше?»

«Нет ничего лучше, – согласился Джубал. – И все же... я не нахожу себе места. За всю жизнь я еще ничего не сделал».

«Как известно, охота к перемене мест исцеляется утомительным трудом. Чего ты хочешь? Во что бы то ни стало заставить потомков помнить твое имя? Тщеславие!»

«Согласен. Я тщеславен и опрометчив. Я не хуже любого другого, но нуждаюсь в обосновании самомнения – хотя бы для того, чтобы жить в мире с самим собой».

«Все это замечательно, – не сдавался Трюэ, – но куда ты пойдешь, чем займешься? Ты знаешь не хуже меня, как трудно приходится тому, кто не родился в привилегированном положении – к каждому яблоку в этом мире тянутся двадцать жадных рук. Не забывай также, что ты глинт, а это обстоятельство трудно назвать преимуществом в стране, где власть в руках тариотов».

«Ты безусловно прав. Но я отказываюсь сдаваться без боя – прежде, чем брошу вызов этому миру и попробую, на что способен. Ты же не можешь мне отказать в праве на такую попытку? Кроме того, мои мысли заняты еще одним делом».

«Не дает покоя таинственный эрциклист? Забудь сумасшедшего! Пусть его накажет кто-нибудь другой».

Джубал только всхрапнул, упрямо мотая головой: «От одной мысли об этом мерзавце у меня кровь кипит и зубы скрипят! Он не сумасшедший. Не остановлюсь, пока не вручу ему подписанный ордер».

«Рискованная затея. Что, если арбитры вынесут решение в его пользу?»

«Маловероятно. Могу привести трех свидетелей и предъявить вещественное доказательство, еще более неопровержимое. Ему не уйти от правосудия!»

«Глупо растрачивать силы, предаваясь страстям. Подумай о зеленых лугах Стрещения, об утесах, водопадах и лесах – это наша земля, земля Дроудов! Здесь ты найдешь достойное поприще. К чему непомерные амбиции, к чему подлые интриги, судебное крючкотворство, тайные западни Визрода?»

«Дай мне время! Гнев нужно утолить. Поживем, увидим».

Трюэ воздел руки к небу и собирался продолжить спор, но в этот момент объявили о прибытии посетителя: «У ворот человек, называющий себя Зохреем Каргом».

«Карг? Зохрей Карг? – задумчиво пробормотал Трюэ. – Где-то я слышал это имя...»

«Мать Кадмуса офф-Дроуда была из рода Каргов».

«Что ж, приведите его. Посмотрим, что ему нужно».

Показался Зохрей Карг – сутяга-тариот, в прошлом году настаивавший на справедливости притязаний Кадмуса офф-Дроуда. На этот раз он заявил с порога, что приехал в качестве посредника и что его интересуют деловые переговоры, а не вопросы первородства. С подозрением покосившись на Джубала, он обратился к Трюэ: «Если не возражаете, лучше было бы побеседовать наедине».

«Джубал – мой брат, – отвечал Трюэ. – Мне от него нечего скрывать».

«Как вам угодно, – сказал Зохрей Карг. – Перейду к делу без лишних слов. Может быть, вы не забыли, что я пытался представлять интересы вашего несчастного единокровного брата?»

«Я хорошо помню обстоятельства, в которых мы встретились, и удивлен тем, что вижу вас снова».

Зохрей продолжал любезным, мягким тоном: «В тот раз мне удалось познакомиться с владениями Дроудов, и полученные сведения позволили мне предоставить рекомендации высокородному клиенту – разумеется, Кадмус офф-Дроуд тут ни при чем. Мой клиент желает приобрести живописное поместье. Я обратил его внимание на расположенный в прибрежной северной части вашего имения перешеек с полуостровом, именуемый мысом Стрещения. Мне поручено начать соответствующие переговоры».

Трюэ не верил своим ушам: «Вы просите меня продать мыс Стрещения?»

«Такова сущность предложения».

«Продать – кому?»

«Мой клиент предпочитает не предавать гласности свое имя».

Трюэ забыл о вежливости и рассмеялся: «Не продам и стоптанный башмак тому, кого я не знаю!»

Зохрея Карга это замечание несколько не обескуражило: «Разумная точка зрения. Но я обязан воззвать к вашему снисхождению и долготерпению. Не раскрывая никаких тайн, я заверяю вас, что мой клиент – отпрыск одной из благороднейших семей Тэйри. Заключить с ним сделку было бы для вас большой честью».

«Разве у него нет своих поместий? – вмешался Джубал. – Что ему нужно на мысу Стрещения?»

«Он ищет уединения. Насколько я понимаю, именно этот мыс наилучшим образом соответствует его намерениям».

Трюэ поднялся на ноги: «Телефонный разговор позволил бы вам не подвергаться тяготам путешествия. Мыс Стрещения я не продам. Не уступлю ни пяди земли моих предков».

Карг не вставал: «Со мной значительная сумма денег. Я уполномочен внести щедрый первый взнос».

«Мыс Стрещения не продается, – раздраженно отозвался Трюэ. – И не поступит в продажу никогда».

Карг неохотно расстался с креслом: «Очень сожалею о вашем решении. Надеюсь, вы передумаете».

Трюэ только покачал головой, и Зохрей Карг удалился.

Уже через час Карг позвонил в цитадель Дроудов. «Я советовался с клиентом, – сообщил он. – Мой поручитель предпочел бы приобрести землю, но согласен на аренду – если удастся выговорить приемлемые условия».

«Ответ прежний, – сказал Трюэ. – Вашему клиенту придется искать уединения в других краях».

«Но он совершенно очарован мысом Стрещения!» Зохрей Карг помолчал и задумчиво добавил: «Отказ от сотрудничества с таким человеком может оказаться серьезной ошибкой. Он очень влиятелен. Его дружба была бы ценным приобретением, а навлекать на себя его немилость опасно».

Предводителю клана Дроудов пришлось затратить некоторое время, чтобы переварить это замечание. Наконец он произнес: «Я не нуждаюсь в его дружбе и не боюсь его влияния. Вопрос исчерпан».

Зохрей Карг будто не расслышал: «Арендный договор был бы для вас, по-видимому, самым выгодным вариантом. Право собственности остается за вами, и в то же время вы полу-

чае солидный доход. Важнее всего, разумеется, пойти навстречу пожеланиям арендатора, а не рисковать, пытаясь препятствовать сильному миру сего».

Трюэ больше не сдерживался: «Вы осмеливаетесь мне угрожать? Скажите спасибо изобретателю телефона!»

«Я всего лишь обрисовал фактическое положение вещей».

«Будьте любезны назвать вашего клиента по имени! Хотел бы я знать, посмеет ли он угрожать мне без посредников».

Ответа не было – Карг решил не продолжать разговор.

Тянулись дни, прошла неделя. Трюэ сделал несколько язвительных замечаний в адрес Зохла Карга и его клиента, а также обсудил с Джубалом строительство нового волнолома и шлюзов в бухте Балласа. Джубал уже почти готов был согласиться на участие в проекте, но его удерживало некое не поддающееся определению чувство. Яр кончился, влечение к странствиям должно было быть утолено – в самом деле, бесцельно бродяжничать ему больше не хотелось. Мучительное воспоминание о событиях под горой Кардун неотвязно преследовало его – в первую очередь Джубал намеревался восстановить справедливость. За решительностью его, однако, скрывалась щемящая растерянность: ну хорошо, справедливость восторжествует – и что дальше?

Может быть Вайдро, брат его покойного отца, человек с бурным и в какой-то мере темным прошлым, мог что-нибудь посоветовать? В свое время Вайдро побывал в самых удаленных и труднодоступных уголках Маска, а теперь жил, как опальный вельможа, на охотничьей даче, некогда принадлежавшей цимбару вымершего рода Цимбаров. «Если даже Вайдро не намекает на существование достойных внимания возможностей, останется полагаться исключительно на себя», – решил Джубал.

Воспользовавшись старым эрциклом Трюэ, Джубал проехал почти пятьдесят километров по лесам низкорослого эбена и высокого тонкоствольного тирса, по каменистым альпийским лугам и темным лощинам, мало-помалу поднимаясь к подножию горы Эйрзе, и наконец прибыл к укоренившемуся на плече крутого склона старому темному дому Вайдро – беспорядочному деревянному строению с высокой остроконечной крышей.

Вайдро, хмурый пожилой человек плотного телосложения, не тративший попусту ни слов, ни движений, вышел навстречу Джубалу и провел его на тенистую террасу. Там они уселись в легкие плетеные кресла; горничная джанского происхождения принесла им серебряный поднос с графином вина и блюдом сухого печенья. Пригубив вино из бокала, Вайдро откинулся на спинку кресла. Глаза его изучали лицо Джубала из-под полуопущенных век: «Я изменил тебя больше, чем я ожидал».

«Я постарел на год, спору нет».

«Как тебе понравилось в Тэйри?»

«Приятные, благополучные края. Тариоты пьют сладкие вина, их девушки очаровательны. Не побывал я только в Дорфо, да и Визрод навещать не хотелось. Уничтожил тысячи кустов чертополоха, просеял гектары пляжного песка. Построил каменную стену под горой Кардун».

«А теперь, вернувшись из дальних странствий, что собираешься делать?»

«Трудный вопрос, – Джубал наклонял бокал то к себе, то от себя, наблюдая за шелковым блеском дрожащей поверхности вина. – Я достаточно разобрался в жизни тариотов, чтобы понять, чем я *не* хочу заниматься. Иные карьеры – только для лиц благородного тариотского происхождения, а меня, к сожалению, привлекают именно эти профессии».

Едва заметно улыбнувшись, Вайдро кивнул: «Без привилегий принадлежность к высокой касте не давала бы никаких преимуществ».

«Понимаю, – отозвался Джубал, – но смириться с этим не могу. Нам дана только одна жизнь, и я хочу совершить все, на что способен».

«Не желающему плыть по течению приходится идти против течения – так устроено любое общество. Чтобы занять место под солнцем, заранее отведенное Варесту, Имфу или Ламфери, одной решимости недостаточно. Необходимо проявить редкие способности. У тебя они есть?»

«Даже если особых талантов у меня нет, я могу предложить энергию, откровенность и прямоту!»

Вайдро поморщился: «Зачем же? Именно эти качества, как правило, не требуются».

«Среди тариотов они, по меньшей мере, привлекут внимание новизной».

«А тебе не приходит в голову, что эти черты характера могли не пройти испытание жизнью? Энергия? Откровенность? И то, и другое вызывает насмешки или преследования, в зависимости от обстоятельств. Откровенность могут позволить себе только сильные мира сего – те, кому нечего и некого бояться».

Джубал принужденно улыбнулся: «Я мог бы притвориться человеком влиятельным и обеспеченным».

«И чего, в таком случае, стоит твоя хваленая откровенность? Налей себе еще вина. Поздравляю тебя с двоедушием!»

«Но я почти не шучу! – упорствовал Джубал. – В Визроде каждый настаивает на своих привилегиях, требует признания от других. Я родился глинтом – как я добьюсь успеха, если мои притязания будут уступать притязаниям других?»

«В принципе это не лишено смысла. На практике... впрочем, кто знает? Когда ты отправляешься в Визрод?»

«У меня есть еще одно дело. Был бы очень благодарен за совет».

Вайдро снова наполнил бокалы: «Большинству советов грош цена».

«Ты не раз ходил по Верхней тропе и, наверное, бывал в деревне Айво. В трех километрах к западу от Айво тропа огибает гору Кардун...»

Пока Вайдро слушал, его отрешенная благожелательность сменилась сосредоточенным вниманием. Он строго сказал: «Тебе повезло».

«Повезло? Едва остался в живых! Конечно, могло быть и хуже...»

«Тебе не терпится сделать карьеру. У тебя появился серьезный шанс – если ты научишься не лезть на рожон со своей откровенностью».

«Будь добр, объясни, в чем дело».

«Завтра же ты полетишь в Визрод на „Голубом диске“ и передашь мое письмо одному из самых могущественных людей в Тэйри – Нэю Д'Эверу. Письмо должно быть вручено только ему лично и как можно скорее. В нем будет сказано, что ты мой племянник, желающий устроиться на службу, и что у тебя есть новости исключительной важности. Ничего не сообщай Д'Эверу, пока он не подтвердит официально, что устроит тебя на подходящую должность».

Джубал смотрел на Вайдро с почтением, граничившим с ужасом: «Что тебя связывает с визродскими магнатами?»

«Случайные обстоятельства. Не следует о них распространяться. Что касается прямоты и откровенности, постарайся пользоваться этими достоинствами как можно экономнее. Не уступай преимуществ! Если у тебя есть то, что нужно другим, запрашивай самую высокую цену! Ты – глинт, и вынужден так или иначе компенсировать невыгодное происхождение. Нэй Д'Эвер не отличается ни благосклонностью, ни щедростью. Не жди от него ни прямоты, ни откровенности – хотя с бесполезными людьми он в выражениях не стесняется. Если ты не сможешь его контролировать, то окажешься в его власти. Он не знает, что такое благодарность. С другой стороны, он не мстителен и не тратит время на сведение старых счетов. Не доверяй ему ни в чем! Если сумеешь правильно себя поставить, твое будущее обеспечено».

«Сделаю все, что смогу», – пообещал Джубал.

Глава 3

Визрод расположился на берегах залива Тенистерле – город без кричащих красок, застроенный разностильными особняками с узкими фронтонами неправильной формы. Парадная набережная огибала залив; остальные важнейшие бульвары, окаймленные плотными рядами эбенов, муаров и деодаров, сходились к Траванскому скверу – средоточию тариотского могущества. Лесистая коса Чам полумесяцем отгораживала залив от океана и соединялась с континентальным мысом Суль массивным молотом с двумя приливными шлюзами.

Мора уже два часа как взошла, когда «Голубой диск» приземлился на Визродском аэровокзале. Проходя по станционному залу, Джубал запер пару саквояжей в ячейке камеры хранения, после чего вышел на привокзальную площадь. Пассажиров ожидала дюжина наемных экипажей. На козлах, чопорно выпрямившись, восседали извозчики в черных мундирах с большими бронзовыми пуговицами на эполетах – мундиры, стянутые в талии, расходились в плечах и бедрах подобно скрипичной деке.

Джубал подошел к ближайшему кебу. Водитель лениво отдал честь: «Куда прикажете?» «К особняку Д'Эверов, будьте любезны».

«Даже так? – извозчик задумчиво оценил костюм Джубала. – Как знаете. Залезайте».

Уязвленный Джубал уселся в кабине. В свое время он намеревался одеться по визродской моде – до тех пор приходилось довольствоваться горской одеждой, крепкой, чистой и удобной, хотя и непритязательной.

Экипаж покатился по Сульской дороге к Подъему, откуда в прохладно-прозрачном утреннем воздухе открылся вид на весь Визрод – мириады пересекающихся прямых и углов, образующих серые, черные, бледно-сиреневые и белые формы, оттененные подернутыми дымкой штрихами мелких деталей. Вокруг Траванского сквера теснились правительственные здания, пылавшие отражениями солнца в окнах. На спокойных волнах залива Тенистерле покачивалась дюжина национальных фелук.

Спустившись к Парадной набережной, извозчик поехал вдоль берега на восток мимо портовых гостиниц и таверн. Набережная кончилась – водитель направился вверх по Полукольцу, свернул налево и подъехал вдоль пологой возвышенности Чама к каменной арке ворот с чугунным изображением двуглавого крылатого змея – гербом Д'Эверов.

Внутренняя аллея вилась среди деодаров и родоподов, мимо декоративных насыпей и клумб, заросших пурпурными ромашками, белоснежными колоколосьями, алыми огнелистами. Показался особняк Д'Эверов – высокое строение из серого камня с огромными окнами, застекленными сотнями фасетчатых панелей, и многоскатной крышей, делившей верхнюю часть фронтона на дюжину отдельных мансард с круто торчащими коньками и многогранными эркерами.

Кеб остановился. Джубал вышел и задержался, чтобы рассмотреть здание. Извозчик показал пальцем: «Парадное крыльцо напротив. Хотя вам, конечно, подобает пройти к боковому входу – туда ведет тропинка через кусты, не потеряетесь».

Джубал холодно обернулся: «Ваши замечания возмутительны!»

«Возмущайтесь на здоровье. Заплатите четвертак, и я избавлю вас от своего присутствия».

Когда экипаж удалился, Джубал возобновил изучение дома Д'Эверов – бесспорно, особняк внушал почтение. Игнорируя окольную тропу, Джубал взошел по широким ступеням, пересек веранду и приблизился к узкой, высокой двустворчатой двери, украшенной литыми чугунными розетками, повторявшими мотив крылатого змея. Дверь приоткрылась – ее заслонил швейцар в темно-зеленой ливрее: «Да? Вы с каким поручением?»

«Я хотел бы говорить с Нэем Д'Эвером».

«Их высокоблагородие¹² не принимают случайных посетителей».

Джубал оттеснил лакея и прошел в величественный шестиугольный вестибюль. Судя по всему, Нэй Д'Эвер проводил дни в изысканной обстановке и не мог пожаловаться на недостаток средств. На полу красовался двух- или трехжизненный джанский ковер потрясающей работы, будто светившийся изнутри глубокими, но не кричащими тонами. В соседние помещения вели просторные сводчатые проходы, с внутреннего балкона второго этажа спускалась широкая лестница.

Не замедлил явиться мажордом, вежливо, но холодно спросивший: «Что вам угодно?»

«У меня дело к его превосходительству Нэю Д'Эверу. Потрудитесь объявить, что его хочет видеть достопочтенный Джубал Дроуд».

«Это невозможно. Не могу ли я передать сообщение?»

«Будьте добры, известите его превосходительство о том, что я привез срочное письмо. Оно может быть вручено только ему лично».

По лестнице спускалась стройная, довольно высокая молодая женщина с высокомерно-безразличным лицом. Джубалу никогда еще не приходилось видеть таких красавиц. Чуть глянцево светлые волосы с темнеющими промежутками прядей гладкой волной ниспадали к шее и распускались по плечам. На ней были белые брюки в обтяжку, свободная серая блуза и модная воздушная шаль из белого пуха, прикрывавшая плечи. Незнакомка, казалось, не замечала Джубала: «Что такое, Фланиш? Какое-нибудь затруднение?»

«Никакого затруднения, леди Миэльтруда. Этот господин привез сообщение для его превосходительства».

«Так возьми его и положи на стол в библиотеке. И вызови карету».

«Насколько я понимаю, речь идет о срочной депеше, которая может быть передана только лично в руки его превосходительства», – уточнил Фланиш.

Миэльтруда соблаговолила взглянуть на Джубала – глазами, удивительно лишенными всякого выражения: «Его превосходительство заседает в Парларии. Депеша не может подождать?»

Джубал ответил столь же спокойно и холодно: «Об этом может судить только Нэй Д'Эвер».

Слегка раздосадованная, Миэльтруда вскинула голову – ее шевелюра заволновалась светлыми и темными переливами: «Тогда лучше поезжайте со мной. Я собираюсь в Парларий и могу устроить аудиенцию».

Джубал отвесил церемонный полупоклон: «Удачная мысль». Подняв глаза, он обнаружил, однако, что слова его были обращены к удалявшейся спине молодой особы. С усилием сохраняя невозмутимость, Джубал последовал за ней на террасу и спустился к небольшой черной самоходной карете, поджидавшей у крыльца. Вступив на подножку, Миэльтруда поднялась в салон. Джубал тоже вошел и сел рядом с ней. Высокомерная блондинка сперва напряглась, но потом обреченно пожала плечами. Джубал понял, что ему предназначалось место на козлах рядом с шофером, и смог изобразить ледяную улыбку. Его амбиции внезапно кристаллизировались, он принял окончательное решение. Да, он сделает блестящую карьеру, преодолеет препятствия, превзойдет соперников силой характера и заставит тех, кто привлекает его внимание – например, изумительное существо, сидевшее с ним в карете – обращать внимание на него!

Самоходный экипаж передвигался по сложному маршруту среди лесистых холмов, мимо мшистых каменных стен и высоких живых изгородей из переливчатых кустов искромета. Ветерок из приоткрытого окна нес запахи влажной растительности – муара, древесной фиалки,

¹² Традиционные титулы и звания почти никогда не поддаются точному переводу, в связи с чем читателю предлагаются выражения, лишь приближенно передающие принятые в Тэйри формы обращения.

гелиотропа – чем-то напоминавшие о древнем благополучии и зажиточном покое. Карета затормозила у высокого старинного особняка. Из открывшихся ворот выбежала девушка с каштановыми волосами. Дверь кареты открылась, подножка опустилась. Уже поднимаясь внутрь, резвая шатенка заметила Джубала и опешила: «Мы, кажется, не одни? Это кто такой?»

Миэльтруда взглянула на Джубала так, будто видела его впервые: «Какой-то курьер. У него депеша для отца». Она обернулась к Джубалу: «Откровенно говоря, вам следовало бы ехать с шофером».

«Вы заблуждаетесь, – отозвался Джубал. – Мне подходит ехать именно здесь».

Девушка с каштановыми волосами забралась в карету: «Ладно, неважно».

Миэльтруда капризно ворчала: «Мы собрались на официальный прием – а он, по-моему, глинт».

«Я высокородный глинт, – сказал Джубал. – Ваше беспокойство безосновательно». Он постучал шоферу: «Поехали!»

Девушки удивленно воззрились на нахала, пожалы плечами и больше не обращали на него внимания. Карета катилась вниз по склону к центру города. Подруги болтали о пустяках, упоминая имена и события, Джубалу неизвестные.

Брюнетку звали Сьюной. Она казалась Джубалу чрезвычайно привлекательной и значительно более дружелюбной и легкомысленной, нежели ледяная Миэльтруда. Заколдованный, Джубал изучал лицо Сьюны – лоб, полузакрытый кудрявыми локонами, большие раскосые глаза, широкие скулы, чуть впалые щеки, изящно заостренный подбородок. «Впечатлительного молодого человека, – думал Джубал, – это лицо... эти обворожительно противоречивые мимолетные выражения... могли бы свести с ума». Сьюна не умела игнорировать попутчика-горца так нарочито, как это удавалось Миэльтруде, и время от времени бросала на него быстрый взгляд – видимо, присутствие глинта в экипаже ее не слишком задевало.

Девушки много говорили о некоем Рамусе, знакомом им обоим, и о предстоящем банкете. Миэльтруде это событие мало волновало – она только смеялась, когда Сьюна укоряла ее. «В конце концов, – сказала Миэльтруда, – торжество может и не состояться. Об этих вещах невозможно судить заранее».

«Конечно, будет банкет! – заявила Сьюна. – Рамус сам занимался приготовлениями».

«Его могут не призвать. Результат не гарантирован».

Сьюна с беспокойством впиалась глазами в лицо подруги: «Ты знаешь, как повернутся события?»

«Отец говорит, что де Кворс и Мнейодес не поручатся».

Джубал чувствовал, что легкомыслие испарилось – Миэльтруда играла со Сьюной в кошки-мышки.

«Остаются Анжелюк и твой отец – а для утверждения кандидатуры нужен только один голос».

«Верно».

«Тогда в чем ты сомневаешься? Твой отец поручится, разве не так?»

«Надо полагать. Иначе почему бы он поставил меня в двусмысленное положение?»

«Значит, все будет в порядке», – уверенно заключила Сьюна.

Миэльтруда отвернулась к окну, скользнув взглядом по Джубалу, будто он был спинкой сиденья.

Через некоторое время Сьюна снова тихо заговорила: «Делается столько омерзительных вещей... Тебе это известно лучше, чем мне».

«Мир таков, каким мы его создали».

«В нашем мире тесно и скучно, – вынесла приговор Сьюна. – Он нуждается в перестройке. Рамус часто об этом напоминает».

«Маск далек от совершенства, не спору».

«Именно поэтому Рамуса должны призвать!»

Карете, подъехавшей к Траванскому скверу, пришлось остановиться – Парларий¹³ окружила плотная толпа. Водитель наклонился к переговорной прорези: «Стоит ли пытаться ехать дальше, леди Миэльтруда? Нас могут надолго задержать».

Глядя на кишашую людьми улицу, Миэльтруда тихо выругалась: «Придется идти – а то не успеем поговорить с отцом».

Джубал соскочил на мостовую и приготовился галантно помочь девушкам выйти. Миэльтруда и Сьюна взглянули на него, высоко подняв брови, как если бы он встал на руки или проделал какой-нибудь другой цирковой трюк. Покинув карету с другой стороны, подруги направились к Парларию через Траванский сквер. Толпа затрудняла продвижение – девушки юрко лавировали, стараясь быстрее добраться до входа. Джубал, с застывшей на лице полуулыбкой, еле поспевал за ними.

Оказавшись у Парлария, Миэльтруда и Сьюна прошли к боковому входу, обозначенному стилизованными чугунными изображениями приготовившегося к прыжку фера, дохобейского сленджа, грифона, рыбы с четырьмя плавниками и двуглавого крылатого змея (гербами кланов пяти служителей народа – соответственно, Мнейодесов, Имфов, де Кворсов, Анжелюков и Д'Эверов). Два стражника в черных униформах с красновато-лиловыми полосками отдали честь Миэльтруде и Сьюне, но преградили дорогу Джубалу, скрестив церемониальные алебарды.

«Пропустите, – вмешалась Миэльтруда. – Это курьер с депешей, к моему отцу».

Стражники подняли алебарды, Джубал вошел. Девушки вприпрыжку бежали по коридору, и Джубалу ничего не оставалось, как припустить за ними трусцой, что казалось ему унижительным. Они свернули в салон, устланный темно-зеленым плюшевым ковром и освещенный зеленым стеклянным куполом. У длинного белого мраморного стола с закусками и напитками стояли и чинно беседовали человек двенадцать, мужчины и женщины в традиционных парадных одеждах. Поискав глазами среди присутствующих, Миэльтруда обратилась к пожилому человеку, ответившему учтивым жестом и наклоном головы. Миэльтруда подала знак Джубалу: «Где письмо? Я отнесу его отцу – он в семейной ложе».

«Невозможно, – отрезал Джубал. – Мне неизвестно, насколько вам можно доверять».

Сьюна рассмеялась. Миэльтруда уставилась на нее без всякого выражения, отсутствующим взглядом – Сьюна перестала смеяться. Блондинка сказала Джубалу: «Тогда пойдемте. Может быть, мы его еще застанем».

Она быстро пошла по коридору, задержалась и приказала Джубалу торопиться величественным поворотом головы, на мгновение заставившим ее бледные волосы разлететься подобно юбке кружащейся танцовщицы. Миэльтруда прикоснулась к замку – дверь отодвинулась, и все трое зашли в обшитую деревянными панелями ложу, откуда открывался вид на огромный зал, уже набитый до отказа магнатами Тэйри, их родственниками и друзьями. Разговоры, приглушенные смешки и сдержанные восклицания создавали почти музыкальное журчание, похожее на шум небольшого водопада. В воздухе угадывались запахи цветочных масел из Уэлласа, полированного дерева, тканей и кожаной обивки, испарения тел трех тысяч магнатов и их супругов, их нюхательных порошков, косметических паст, саше, ароматических пастилок.

На подиум, метрах в пятнадцати от ложи, всходил стройный бледный человек в черно-белой мантии. Миэльтруда помахала ему рукой, но он не заметил. Блондинка подозвала Джубала: «Вот его превосходительство. Если у вас неотложное дело исключительной важности, отнесите ему депешу. В противном случае вам придется ждать до окончания церемонии».

¹³ Парларий, законодательное собрание в Визроде, состоит из трех палат с различными подведомственными управлениями – Ландмута, представляющего низшие сословия и средний класс, Конвенции кланов и Совета пяти Служителей народа. «Парларием» называют также величественное старинное здание законодательного собрания у Траванского сквера.

Джубал оказался в трудном положении. Вайдро советовал не действовать опрометчиво, использовать любую ситуацию с выгодой для себя. Нэй Д'Эвер был занят и явно неспособен обсуждать будущее Джубала в духе неторопливой сосредоточенности, полезной для достижения оптимальных результатов. Джубал задумчиво отозвался: «Я подожду». Посмотрев вокруг себя и не найдя в ложе отдельного кресла, он присел на длинную скамью с фиолетовыми подушками.

Неприятно пораженная Миэльтруда что-то прошептала Сьуне – обе девушки обернулись, глядя на Джубала. Плохо скрываемое веселье подружки раздражало Миэльтроду необычайно. Плотно поджав губы, блондинка раздраженно уселась на противоположном конце скамьи.

Из-под купола раздался мягкий вибрирующий звон. На подиум взошли еще трое. Все четверо сели в кресла за столешницами из черного дерева с чугунными эмблемами – грифоном, фером, рыбой и двуглавым крылатым змеем. Возбужденное бормотание смолкло, в зале наступила почти осязаемая тишина.

К передней балюстраде подиума вышел предвозвестник Парлария. Широко воздев руки, он принялся декламировать нараспев: «Магнаты Тэйри, мы понесли потерю! Ушел из жизни один из величайших. Мудрость его долгие годы служила нам путеводной звездой, щедрость его была целебным бальзамом и благословением для нуждающихся. О нем безутешно скорбят все тариоты. Великий соборователь естественносущных обрядов произнесет надгробную хвалу: да вознесется монический спектр усопшего сияющей стезей просвещенного неведения! Преподобный соборователь, мы внемлем».

Великий соборователь появился на балконе над подиумом. В одной руке его была хрустальная держава, символизировавшая космос, в другой – сиренево-белоснежное соцветие лулады, напоминавшее о скоротечности бытия.

Согласно древним предписаниям, ритуал продолжался ровно двадцать три минуты. Соборователь провозглашал еретические постулаты, аудитория отвечала правоверными песнопениями-опровержениями. Наконец голоса первосвященника и паствы воодушевленно слились в восходящем гимне, приветствующем растворение усопшего в Рассеянном Спектре Спектров.¹⁴

Затем великий соборователь возложил себе на голову черно-белую митру и произнес Семь Слов. Воздев соцветие лулады и державу, жрец отступил в тень за балконом.

Предвозвестник Парлария вернулся на подиум и продолжил декламацию: «И вновь я говорю о клане Имфов! Еще не увяли лепестки лулады на могиле, еще не развязались узлы скорби. Но вопреки удару судьбы Имфы не отказываются от беззаветного служения стране. Снова они жертвуют лучшим, благороднейшим из своих сынов! Кто сегодняшней кандидат? Человек, способный внести весомый вклад, достойный представитель касты. Он сознательно выбирает жребий служителя – одинокое бремя неблагодарного труда, бесконечные часы сомнений и поиска, молитв и творческих озарений. Нет, он не отступит, не дрогнет! Я говорю, конечно, о Рамусе Имфе. Ныне он предстанет перед здравствующими трибунами, чтобы поведать о своих стремлениях и надеждах. Долг служителей – оценить достоинства кандидата, его мужество, рвение и прозорливость».

Предвозвестник сделал паузу, шагнул вперед, торжественно поднял указательный палец: «Поистине, непогрешимы лишь туманные вихри Невыразимой Сути! Следовательно, чтобы занять вакантное место пятого служителя, Рамусу Имфу достаточно единоличного призвания.

¹⁴ Этот обряд и его толкования послужили причиной раскола между первоприбывшими (правоверными) командами двенадцати звездолетов и отступниками с тринадцатого корабля. Отвратительная ересь «неискупимых», потерпевших крушение на четырнадцатом звездолете, фундаментально противоречила истинной Догме. Потомки выживших членов экипажа четырнадцатого корабля, каким-то невероятным образом скрестившиеся с представителями Ното тога, стали предками ваэльского населения Уэлласа.

Если же мнения всех четырех здравствующих трибунов сойдутся в том, что сегодняшняя кандидатура омрачена каким-либо изъяном, пусть даже несущественным, бремя сие возложат на другого, более достойного отпрыска Имфов. Служители погружены в глубокое раздумье. Уже сейчас они взвешивают „за“ и „против“. Уже сейчас они спрашивают себя: „Достоин ли Рамус Имф стать пятым служителем народа?“ Или они вынуждены будут с сожалением настаивать на выдвижении еще более безупречной кандидатуры? Предстань перед Советом служителей, Рамус Имф! Назовись, поясни свои принципы и побуждения, выслушай решения трибунов!»

Из центрального прохода под ложами вышли три человека – один чуть впереди и двое, в ритуальных одеждах, справа и слева от него. Они шествовали медленной церемониальной поступью так, как это делалось с незапамятных времен – за коротким шагом одной ноги следовал длинный шаг другой. Приблизившись к возвышению, сопровождающие застыли в позах почтения и трепета.

Первый, Рамус Имф, решительно поднялся на подиум. Повернувшись к притихшей аудитории, он молчал примерно минуту, неподвижно глядя вдаль – впечатляющая фигура, высокая, непреклонная, величественно красивая. Безукоризненный наряд его соответствовал скорее моде, нежели традиции. Темно-желтые панталоны без единой морщинки погружались в черные сапоги, отороченные серебряной филигранью. На отвороте сливово-красного камзола красовалась чугунная фигурка дохобейского сленджа Имфов – других кульбрасов он не носил. Фалды туго обтягивающего плечи, но широко открытого на груди черного сюртука свободно развевались. Высокий черный дафф¹⁵ подчеркивал благородство и без того величавой персоны. Черные кудри, выбивавшиеся из-под полей даффа, обрамляли обширный лоб, ноздри горбатого носа гордо раздувались, широко расставленные черные глаза блестели, как стеклянные, уголки полных чувственных губ опустились.

Рамус стоял не далее, чем в пятнадцати метрах от Джубала, изучавшего внешность кандидата с величайшим вниманием: невероятное стечение обстоятельств!

В зале никто не бормотал и не шаркал ногами, никто даже не кашлял. Джубал, сидевший на краю подушки, напряженно наклонился вперед. Миэльтруда и Сьюна тоже застыли, замороженно глядя на Рамуса, но лица их отражали разные эмоции. Служители народа неподвижно сидели за столешницами, как каменные статуи – глаза их смотрели в пространство, их чувства невозможно было угадать.

Рамус Имф повернулся лицом к Совету. Два поручителя, сопровождавшие кандидата, выпрямились и произнесли в унисон: «Мы из клана Имфов, высшей касты. Перед вами Рамус Имф, наш первоизбранник, лучший из лучших. Мы ходатайствуем о его призвании на службу народу».

«Ходатайство учтено, – отозвался Нэй Д'Эвер, отныне старший из служителей. – Рамус Имф, нас известили о вашем присутствии».

Поручители провозгласили, снова в унисон: «Кандидат изложит свои принципы. Внемлите и судите!» Одновременно развернувшись на каблуках, они промаршировали к левому и правому углам подиума.

Нэй Д'Эвер, стройный пожилой человек с ухоженной серебристой шевелюрой, серебристо-серыми глазами и тонкими, иронически кривящимися губами, произнес: «Мы благодарны клану Имфов за жертвы, принесенные во имя общего блага – сперва трагически погиб один из нас, Рохад, теперь родовитый Рамус спешит восполнить потерю. Да будет известно, что стать членом Совета пятерых непросто! Рассмотрение кандидатуры – не пустая формальность.

¹⁵ Дафф: высокая шляпа в форме усеченного конуса от пятнадцати сантиметров до полуметра или даже шестидесяти сантиметров в высоту. Женщины, носящие этот головной убор, нередко оживляют его цветами, прикрепленными к тулье, каскадом сушеных перьев морского павлина или изощренными сооружениями из разноцветных лент. Мужской дафф, как правило, не нуждается в украшениях – только иногда на нем поблескивает едва заметный серебряный кульбрас.

Судьба Тэйри в наших руках, мы обязаны принимать правильные решения. Поэтому я предлагаю кандидату изложить свои взгляды так, чтобы мы могли подвергнуть их всесторонней оценке».

«Глубокоуважаемые служители! – заговорил Рамус Имф. – С нетерпением жду возможности приложить все мои способности к решению проблем, стоящих перед страной. Игнорировать эти проблемы больше невозможно – они требуют безотлагательного внимания. Я готов полностью посвятить себя их устранению! Благополучию Тэйри угрожает катастрофа!»

Младший служитель, Амбиш де Кворс – крупный мужчина с тяжелой челюстью и выдающимся животом – не замедлил прервать его: «Мы служим народу. Кроме того, мы представляем интересы благородных семей Визрода, то есть имеем дело с реальностью, а не с педантичными абстракциями. Мы давно знаем друг друга, каждому из нас хорошо известно, чем занимались в прошлом другие, чью сторону они занимали, когда возникали конфликты, и чего им удалось добиться. Некоторые предлагают дерзкие, беспрецедентные методы изменения существующих условий – я бы назвал их даже опрометчивыми и безответственными. Каково ваше мнение по этому вопросу?»

Миэльтруда вздохнула и пренебрежительно повела рукой, будто отмахнувшись от назойливой мухи: «Амбиш, несносный тиран! Вечно прет напролом, как валун, сползающий по леднику!»

Сьюна с горячностью отозвалась: «Линаика рассказывала о его привычках – представить себе невозможно! Каждый день придерживается одного и того же расписания с точностью до секунды. И навязывает свой невыносимый режим Линаике – чтобы во всем, видите ли, был порядок!»

«Сомневаюсь, что он поддержит Рамуса», – с сухой издевкой обронила Миэльтруда.

«Пренеприятнейший субъект! – вынесла приговор Сьюна. – Все равно, какая разница? Твой отец проголосует „за“, и дело в шляпе».

«Если отец всерьез задумал сыграть свадьбу, почему бы он стал вставлять Рамусу палки в колеса?»

Рот Сьюны странно покривился, щека дернулась: «Послушаем, что он скажет».

«Грядущее загадочно, – говорил Рамус Имф. – Дорога в будущее усеяна препятствиями, а забывать о препятствиях часто опаснее, чем их преодолевать. Как избежать опасностей? Необходимо применять наилучшие известные средства. Разрешите мне пояснить свою точку зрения следующим образом: если некто пытается справиться с задачей „А“ и убеждается в том, что метод „Б“ не позволяет найти решение, становится ясно, что следует испробовать метод „В“, а если и он окажется бесполезен, требуется найти другое средство, еще более радикальное».

«Что, если применение средств „В“, „Г“ и „Д“, даже если оно позволит решить задачу „А“, приведет к возникновению новых проблем, более многочисленных и трудноразрешимых, чем первоначальная?» – спросил Амбиш де Кворс.

«Наш долг состоит в том, чтобы учесть все возможные последствия и рассчитать приемлемый уровень риска», – не смутился Рамус.

«Позволю себе выразиться откровенно, – поднял голову Амбиш. – Вам не удалось заслужить репутацию человека терпеливого. Государственный деятель не должен безотчетно поддаваться влечению к нетрадиционным концепциям только потому, что они отличаются новизной. По моему мнению, задача первостепенной важности состоит в обеспечении соблюдения традиций. Предположим, новым членом Совета пятерых станет реформатор, поддерживающий поспешные и радикальные преобразования. В руках такого человека сосредоточится огромная власть. Будучи моложе остальных служителей, он может их пережить и воспользоваться правом единогласно поддерживать новые кандидатуры с тем, чтобы принципиально изменить политику Совета и предпочитаемую его членами систему ценностей. В связи с этим я хотел бы,

чтобы вакантное место занял человек старше вас, уже продемонстрировавший благоразумие и сдержанность. Я не могу призвать вас на службу, хотя и не испытываю к вам никакой личной неприязни».

Рамус Имф принужденно поклонился. Усмехнувшись, Миэльтруда заметила: «Характер у Рамуса взрывоопасный, это правда. Амбиш не придумывает воображаемые жупелы».

У Сьюны от волнения перехватило дыхание: «Теперь, как никогда, ему нужно сохранять спокойствие. Рамус, Рамус, не подведи самого себя!»

Рамус Имф был олицетворением спокойствия: «Сожалею о том, что вы не смогли распознать во мне предусмотрительность, которой вы придаете такое значение. Разумеется, я не согласен с вашей оценкой».

«Ха! – сказала Миэльтруда. – Претендуя на предусмотрительность, он не добьется утверждения. Кто ему поверит?»

Почти привставшая Сьюна опустила на скамью и слегка опустила голову: «Рамус иногда увлекается и не считается с фактами».

Отвернувшись от де Кворса, Рамус Имф обратился к трем другим служителям: «Я надеялся на единодушное призвание. Увы, мои надежды не оправдались. Факт остается фактом – мы живем в странные времена. Общеизвестно, что перемены не за горами. Тягостное напряжение чувствуется в воздухе и подавляет наш дух – подавляет тем сильнее, чем решительнее мы игнорируем признаки приближения грозы. Я предлагаю подвергнуть этот вопрос открытому обсуждению и досконально в нем разобраться. Почему нас отпугивает перспектива гласности? Уверен, что опытные, здравомыслящие, благородные люди способны взять на себя такую ответственность. Я готов приложить все свои знания и навыки, каковы бы они ни были, – тут Рамус жестом дал понять, что не придает себе слишком большого значения, – во имя всеобщего благоденствия».

«Неправильный подход, – пробормотала Миэльтруда. – Он и впрямь бестактен и опрометчив, Амбиш его видел насквозь».

«Напыщенный старый тюфяк! Но подожди, другие не так упрямы».

Джубал почувствовал настоятельную необходимость высказаться: «Рамус Имф никогда не станет служителем народа, могу вас заверить!»

Девушки резко обернулись к нему – одновременно взметнулись темно-каштановые кудри и бледно-шелковые локоны. Сьюна не сдержалась и презрительно хмыкнула. Миэльтруда улыбнулась с холодностью каменного изваяния и, беспечно махнув рукой, вернулась к созерцанию подиума: «Мнейодес никогда не призовет Имфа. В их клане не забывают старых обид».

Майрус Мнейодес, дряхлый тощий старик, был третьим среди служителей по старшинству, определявшемуся сроком пребывания в должности. Он говорил с трудом, сиплым голосом: «Идея реформы приходила в голову многим – следовательно, мы должны рассматривать перемены как неизбежность и смириться с неизбежностью. Такова, в сущности, ваша позиция. Чепуха, совершеннейшая чепуха! Людями часто овладевают страсти, зависть, жажда власти – значит ли это, что мы должны потворствовать их порывам, утверждая поправки, узаконивающие распущенность? Законы продиктованы мудростью веков, нам не пристало их менять. Вместо того, чтобы гнуться, как тростник, под ветром перемен, мы обязаны проявить твердость и нейтрализовать влияния, побуждающие нас двигаться в опасном направлении».

Рамус Имф выслушал старика с доброжелательным терпением: «Замечания убежденного седиными служителя убедительны, даже если они не соответствуют действительности. Упомянутые мною перемены – не каприз и не мода, а их причины – не плод воображения. Ситуация более чем серьезна. Вспомните о перенаселении. Пахотные земли истощены, монотонные радости сельской жизни приелись, скука и безысходность развращают народ. Перемены неизбежны – кто знает, куда они приведут, если мы сегодня же не начнем их контролировать?»

Контроль! Этим словом все сказано. Мы должны обуздать стихийный процесс, оседлать его, направить его энергию в полезное русло».

Землистое морщинистое лицо Мнейодеса темнело по мере того, как Рамус излагал свои доводы, и в конце концов приобрело оттенок влажной глины: «Наш долг – обуздать перемены, спору нет! Необходимо подавить невоздержанную плодовитость низших сословий. Новизна сама по себе – не благо. Напротив, чаще всего радикальные перемены приводят к катастрофам. Вы убеждаете нас сойти с проторенного пути и спешить в неизвестность по бездорожью. Зачем? Ваши цели непонятны – подозреваю, что за бескорыстным энтузиазмом скрывается другой, хитроумный и не столь идеалистический план. Я не призыву вас на службу!»

Сьюна наклонилась к подруге: «Циничный старый хрыч! Почему бы ему не признать во всеуслышание, что любому Мнейодесу приятно унижение любого Имфа?»

Миэльтруда пожала плечами: «Ничьи слова нельзя принимать за чистую монету, в том числе слова самого Рамуса».

«И твои тоже?» – пробормотала Сьюна.

«Иногда я сама не знаю».

Рамус Имф отвесил Мнейодесу подчеркнуто вежливый поклон: «Сожалею, что не убедил благородного Майруса в своем благонравии. Полагаю, однако, что источник недоразумения кроется в моем происхождении, а не в моем мировоззрении».

Старый Мнейодес не соблаговолил ответить.

Повернувшись к Сьюне, Миэльтруда тихо сказала: «От Мнейодеса и де Кворса отец ничего другого и не ожидал. Но даже он не знает, как проголосует Анжелюк».

«Что, если Анжелюк подведет?»

«Трудно сказать. Отец со мной не откровенничает».

«Кто его знает лучше тебя?»

«Гадать бесполезно. Иногда он дает мне поручения – я их выполняю, но выяснять его подспудные мотивы даже не пытаюсь».

Рамус Имф снова обратился к служителям: «Я не случайно употребил слово „недоразумение“. В конце концов, говоря о реформе, я не имею в виду вредные новшества. Изощрения и тонкости – проклятие нашей древней цивилизации. Если должны произойти перемены, я хотел бы возвращения к простоте, к догматическому благонравию».

Миэльтруда качала головой со смешанным чувством восхищения и порицания: «Что я слышу? Самый изощренный из интриганов рассуждает о простоте и благонравии!»

«Бедняга Рамус переволновался и хватается за каждую соломинку. Смотри, как злорадствует гнусный Амбиш!»

«Забудь об Амбише, он уже высказался. Что скажет Анжелюк? Вот в чем вопрос!»

Ньюптрас Анжелюк, высокий блондин с блуждающими глазами, будто неспособными сосредоточиться на собеседнике или каком-то определенном предмете, прислушивался к предшествовавшему обмену мнениями с отчужденной улыбкой полного замешательства. Анжелюк говорил с особым вниманием к дикции, подчеркивая волнообразно меняющуюся высоту тона и выделяя отдельные слова: «Третье заключение, само собой, играет решающую роль. Тем не менее, несмотря на ясность и недвусмысленность моих представлений, с ними не согласуются ни утверждение, ни отвержение кандидатуры... Хм. Необходимо проникнуть в самую суть вопроса, проникнуть глубоко и непредвзято... Склоняюсь к тому мнению, что мы, в качестве уполномоченных блюстителей преуспевания нашего благословенного края, должны объединять в себе все, пусть даже противоречивые человеческие достоинства. Каждый из нас обязан, если можно так выразиться, одновременно играть на дюжине инструментов в величественном оркестре, исполняющем симфонию современной жизни... Таким образом, будучи готовы ко всевозможным превратностям судьбы и проявляя гибкость представлений о настоящем и будущем, мы хорошо вооружены, как доблестные бойцы, способные в любое время

отразить любого врага... Хм. Я аплодирую Рамусу Имфу, восхищен его стилем! Поистине клан Имфов выдвинул лучшего из лучших! Тем не менее...» Наступила задумчивая пауза.

Миэльтруда почти беззвучно, презрительно смеялась, Сьюна безутешно сторбилась на скамье.

«Он откажет», – пообещала Миэльтруда.

«Не приду к нему на бал-маскарад!» – заявила Сьюна.

«...Я спрашиваю себя: не будет ли столь ответственный пост скорее препятствием, нежели преимуществом для столь динамичной личности? Вот где безусловно требуется тщательно взвесить все обстоятельства и методично, последовательно распознать, уточнить и проанализировать все относящиеся к делу факторы. Рамус Имф, само собой, стремится посвятить жизнь процветанию Тэйри. Возможно, он сумеет наилучшим образом служить стране в той области, где его разнообразные и выдающиеся способности смогут проявиться в полной мере – не здесь, в водовороте обобщенных, расплывчатых понятий, но, допустим, на не менее важном посту морского знаменателя...¹⁶ Спешу добавить, что я не рассматриваю отрицательно деликатность воспитания и утонченность мышления как таковые, напротив – разве не эти качества создают самый непреодолимый барьер между благородным сословием и выскочками, спешащими напролом, руководствуясь исключительно самомнением? Рамус Имф заслуживает самых несдержанных комплиментов, я желаю ему всего наилучшего и не сомневаюсь, что его ждет блестящая карьера. С некоторым колебанием, однако, на этот раз я воздержусь от утверждения его кандидатуры».

Рамус опустил голову – казалось, он внимательно изучает ковер. Наконец он встрепнулся, но прежде, чем он успел что-нибудь сказать, прозвучал удар гонга, и предвозвестник воззвал к публике: «Настало время перерыва! Кандидат желает отдохнуть в приемной, а четыре служителя продолжают нелегкие размышления».

Повернувшись на каблуках, Рамус Имф направился в приемную в компании помрачневших поручителей.

Амбиш де Кворс и Майрус Мнейодес отошли в сторону и тихо разговаривали. Ньюптрас Анжелюк отправился засвидетельствовать почтение группе магнатов в ложе слева от подиума. Нэй Д'Эвер остался в кресле.

Миэльтруда усмехнулась: «Деликатный Ньюптрас ловко увернулся. Теперь все шишки повалятся на уважаемого папочку».

«Терпеть не могу Анжелюка! Как поступит твой отец?»

«Призовет Рамуса – как еще? Зачем ему выставять меня на посмешище?»

«Ну, уж над тобой-то никто смеяться не станет».

«Не знаю, не знаю...»

Джубал снова высказался: «Рамус Имф недостойн занимать высокие должности. Во-первых, он расфуфыренный бахвал. Во-вторых, он негодяй, каких мало!»

Сьюна чуть не подавилась от смеха: «Подумать только, поразительная проницательность! К счастью, именно благодаря этим качествам Рамус неотразим!»

Миэльтруда мрачно улыбнулась: «Я о вас забыла. Подождите минутку, я вызову Нэя Д'Эвера, и вы отдадите ему депешу».

Джубал нахмурился: «Не спешите. Депеша может подождать, пока...» Но Миэльтруда уже звала отца. Тот поднялся и подошел к ложе – изящный человек с невозмутимо благородной осанкой, серебристой проседью и яркими водянисто-серыми глазами. Чуть прикоснувшись пальцами к плечу Миэльтруды и руке Сьюны, он оценивающе взглянул на Джубала: «Наслаждаетесь зрелищем провала Имфов?»

¹⁶ Морской знаменатель: чиновник, контролирующий деятельность океанских националистов и, в случаях нарушения правил, определяющий меры наказания и следящий за их применением.

«Вовсе нет! – воскликнула Сьюна. – Бедный Рамус! Вы его не покинете, правда?»

По лицу Д'Эвера скользнула мимолетная улыбка: «На меня оказывают давление. Ожидалось, что Ньютрас поддержит его. Вместо этого он решил умиловать Мнейодесов, он чего-то хочет от Майруса. Что ж, в конце концов все это не так уж важно».

«Неважно для всех, кроме Рамуса, – заметила Миэльтруда. – Впрочем, если ты настаиваешь на своем плане, для меня это тоже имеет значение».

«Посмотрим, посмотрим! – беспечно обронил Д'Эвер. – Все меняется так быстро, что за событиями трудно уследить, не говоря уже об их понимании. Что касается Рамуса, призвание на службу помогло бы, так сказать, держать его от греха подальше. А это что за субъект?»

«Курьер. Ворвался к нам в приемную со срочным письмом или сообщением, так я и решила взять его с собой».

Нэй Д'Эвер рассматривал Джубала с легким удивлением: «Я не ждал никаких курьеров. Где сообщение?»

Джубал нехотя привстал: «Может быть, после окончания церемонии...»

«Сообщение, будьте добры!»

Джубал передал бежевый конверт.

Брезгливо вскинув брови, Нэй Д'Эвер сломал печать, развернул письмо и стал читать вслух: «Тем, кого это касается: податель сего, мой племянник, нуждается в устройстве на работу...»

Д'Эвер больше не читал. Подняв глаза, он угрожающе остановил их на лице Джубала: «Что вас сюда привело?»

«Мой дядя сказал вручить это лично вам».

Сьюна зажала рот рукой, чтобы не расхохотаться на весь зал, но отчаянные меры не помогали – сдавленные приступы смеха прорывались сквозь сердоликовые полукольца, украшавшие тонкие пальчики. Миэльтруда опалила Джубала лаконично сверкнувшим взглядом, потом осуждающе покосилась на Сьюну, наконец справившуюся с припадком веселья. Снова наклонившись к отцу, Миэльтруда произнесла: «Он глинт».

Продолжая в упор смотреть на Джубала, Нэй Д'Эвер отозвался нарочито небрежно: «Глинт вы или нет, вам должно быть известно, что прошения такого рода не приносят, как визитную карточку на званый ужин». Он вернул Джубалу письмо и конверт: «Подайте заявление в Бюро общественного трудоустройства при управлении Парлария, и вам посоветуют, к кому и когда можно будет обратиться».

Джубал сумел неловко поклониться: «Мне поручили передать письмо вам и никому другому, что я и сделал. По-видимому, произошла ошибка – письмо будет уничтожено. Существует, однако, другой вопрос, в отличие от моих личных интересов безотлагательно требующий вашего внимания. О поддержке кандидатуры Рамуса Имфа не может быть речи».

«Неужели?» – спросил Д'Эвер голосом, лишенным всякого выражения.

Миэльтруда скучала невыразимо: «Папа, прогони его. Нам нужно обсудить праздничные приготовления».

«Всего два слова наедине, – упорствовал Джубал, отходя от девушек в угол между стеной ложи и балюстрадой, отгораживавшей ее от зала. – Будьте добры, подойдите сюда».

Нэй Д'Эвер взвесил ситуацию и решил, что пара шагов ничему не повредит. Он приблизился к Джубалу. Девушки наблюдали – Миэльтруда с презрительным отвращением, Сьюна с откровенным изумлением. Наклонившись к собеседнику, Джубал что-то тихо сказал. Нэй Д'Эвер заметно напрягся, лицо его застыло.

«Что такое? Что он говорит? – еле слышно беспокоилась Сьюна. – Колдует над твоим отцом, как строхан!¹⁷ Смотри, у глинта глаза горят!»

¹⁷ Строхан: мифическое существо, наделенное сверхъестественными чарами, в том числе властью над людьми, неспособ-

«Редкостный наглец».

Из-под купола прозвучал вибрирующий сигнал гонга. Нэй Д'Эвер еще давал Джубалу какие-то указания и даже, судя по всему, был раздосадован необходимостью закончить разговор. Не обращая внимания на энергичные жесты дочери, он вернулся на подиум и занял свое место.

Подруги сидели выпрямившись, неподвижно глядя перед собой. Раньше девушки просто не замечали Джубала – теперь его игнорировали его так, будто он издавал тошнотворный запах.

Когда предвозвестник закончил ритуальные восклицания, Рамус Имф снова выступил вперед. Предвозвестник обратился к нему: «Три служителя, благосклонно воздержавшись, не возложили на плечи кандидата тяжелое, возможно непосильное бремя. Окончательный выбор сделает четвертый и старший – Нэй Д'Эвер. Ему, как никому другому, известны преимущества претендента, слово остается за ним. Теперь кандидат может обратиться к старшему служителю с любыми приличествующими случаю замечаниями».

Не забыв отвести поклон публике, Рамус Имф повернулся к Нэю Д'Эверу. Ничто не омрачало его непринужденную самоуверенность: «Нет необходимости подробно останавливаться на атрибутах совершенного служителя народа. Некоторые из наших трибунов уже олицетворяют те или иные добродетели – предусмотрительность Амбиша непоколебима, Майрус знаменит бережливостью и умеренностью, Ньюптрас столь же известен чувствительностью и разборчивостью. Но только в Нэе Д'Эвере все эти элементы совмещаются и получают полное воплощение. Если меня призовут, я надеюсь успешно подражать методам этого благородного руководителя, чтобы его вдохновенное, с моей точки зрения, служение обществу нашло достойного продолжателя. Способен ли я стать его учеником и преемником? Нэю Д'Эверу, почтившему меня личным расположением, это известно. Уверен, что справедливость его решения будет соответствовать безупречности его репутации. Больше я ничего не ожидаю и не заслуживаю». Закончив, Рамус высоко поднял голову и стоял в ожидании.

Нэй Д'Эвер ответил негромко, напряженным, но ясным голосом: «Даже при самом благоприятном стечении обстоятельств мне вряд ли удастся приблизиться к той степени совершенства, какую мне приписывает Рамус Имф. Он сам отличается бесспорным благородством происхождения и выдающимися достоинствами – мы не можем позволить себе не найти его талантам плодотворное применение. Длительное, нелегкое размышление побуждает меня заключить, что Рамус Имф сможет лучше всего послужить нам и народу в новой, особой должности чрезвычайного советника – в должности, требующей приложения всех его разносторонних дарований. Если бы я призвал Рамуса Имфа на службу народу, тем самым я ограничил бы сферу его деятельности, лишив его практических возможностей исполнительной власти. Я этого не сделаю. Рамус Имф гораздо полезнее для нас в качестве доверенного консультанта, с его помощью мы сможем видеть и слышать то, что ускользает от нашего утомленного внимания. Говоря от имени всех служителей народа, я выражаю Рамусу Имфу огромную благодарность за то, что он почтил нас своим присутствием».

Челюсть Рамуса отвисла. Некоторое время после того, как Д'Эвер кончил говорить, он не двигался, потом отнес требуемый церемониальный поклон, повернулся на каблуках и быстро сошел с возвышения – полы его черного сюртука яростно взметнулись. Предвозвестник обратился к залу с прощальным словом. Великий соборователь благословил присутствующих с балкона.

Миэльтруда и Сьюна обмякли, пораженные происшедшим. Озарив Джубала гневным взглядом, Сьюна пробормотала: «Что такое он сказал твоему отцу?»

Блондинка язвительно предложила: «Почему бы тебе не спросить его самого?»

Поколебавшись, Сьюна все же повернулась к Джубалу: «Ну ладно. Что вы наговорили Нэю Д'Эверу?»

«Объяснил, какого мнения о Рамусе Имфе я придерживаюсь и почему. Господин Д'Эвер предпочел последовать моему совету, – вежливо ответил Джубал. – Покорнейше прошу прощения, дела вынуждают меня удалиться».

Девушки мрачно проводили его глазами. Вскоре к ним присоединился Д'Эвер. Оглядевшись по сторонам, он не нашел Джубала в ложе и поинтересовался: «Куда делся глинт?»

«Ушел. Разве он уже не наделал достаточно вреда? По меньшей мере, из-за него не состоится банкет».

«Он не просил ничего передать? Почему его не задержали? Неважно, завтра его найдут. А теперь, дорогие мои, позвольте строго предупредить вас обеих! – Нэй Д'Эвер поочередно остановил на каждой из насупившихся подруг пристальный взор блестящих серебристых глаз. – Не обсуждайте сегодняшние дела ни с кем, особенно с теми из ваших друзей, кто был так или иначе заинтересован в исходе голосования».

Сьюна огорченно опустила уголки губ – она казалась подавленной, уничтоженной. Миэльтруда отделалась ледяным пожатием плеч и отвернулась: «Я в замешательстве. Не понимаю того, что видела и слышала. А когда я чего-то не понимаю, меня не тянет об этом рассуждать».

«В таком случае, – кивнул Нэй Д'Эвер, – в дополнительных наставлениях нет нужды».

Глава 4

Джубал Дроуд выскочил из Парлария, как из палаты для прокаженных. Сжав зубы и широко раскрыв глаза, он перебежал через сквер и нырнул в лабиринт извилистых улочек, затененных нависающими крышами и балконами. Стоявший в зените громадный полумесяц Ская гнался за ним по узким просветам городских ущелий.

Джубал спешил вперед размашистыми шагами – слепой, глухой ко всему, не разбирая дороги. Встречные отскакивали, чтобы не столкнуться с ним, и оборачивались вслед. Очередная улица внезапно закончилась небольшой треугольной площадью. Джубал остановился, некоторое время стоял в растерянности, потом подошел к скамье и сел...

Нэй Д'Эвер! Изворотливый, полный тайн, скользкий и противный, как ядовитый горный бес. Откровения Джубала нарушили его планы. Тем лучше! К сожалению, причиненное неудобство могло быть недостаточно серьезным. Две девушки? Джубал резко выдохнул сквозь зубы, произведя шипящий, почти свистящий звук. Бледный золотистый шелк, каштановые кудри! Умопомрачительные красавицы! Миэльтруда – отстраненная, трезвая. Сьюна – податливая, но пренебрежительная, проницательная, но увлекающаяся. Странно, что обе – по-видимому, с одинаковым рвением – поддерживали кандидатуру проходимца Рамуса. Не может же он быть любовником обеих! Хотя, кто знает... Возможно, подруги забавлялись модными эротическими новинками – о визродских нравах ходили отвратительные слухи.

Мысли Джубала вернулись к Рамусу Имфу. С ним он еще не рассчитался. Он ему еще покажет! Джубал угрожающе оскалился. Добропорядочная матрона, вязавшая на скамье напротив, быстро поднялась и ушла. Джубал нахмурился ей вслед: это еще что? В проклятом Визроде глинтгов за людей не считают? Визрод, пропади он пропадом! Джубал с отвращением зарычал.

Визрод – столица, куда он прибыл с наивными надеждами на будущее! Джубал вынул из-за пазухи послание Вайдро. Нэй Д'Эвер даже не дочитал его. Джубал бросил письмо на землю, но тут же поспешно подобрал, опасаясь быть задержанным за несоблюдение чистоты, и засунул глубоко в карман. Прекрасные мечты не стоили ни гроша. Что делать? Податься в Бюро общественного трудоустройства? Вернуться в Глентлин, заняться постройками в бухте Балласа?

Джубал беспокойно нагибался, распрямлялся, ерзал на скамье. Жизнь внезапно показалась ему безвкусной, лишеной всякого смысла. Озираясь, как затравленный зверь, он впервые заметил, что окружен фасадами почтенных лавок и магазинов. Каждое заведение ревниво претендовало на узко специализированную монополию.

Джубал неприязненно изучал витрины. В трехэтажном пассаже предлагались студни, желе, засахаренные фрукты, сушеные пикули, сотни разнообразных консервов. В другой лавке торговали джанскими кружевами, в следующих – акустическими усилителями, чертежными принадлежностями, столовым серебром и ножами, бестиариями, глобусами старой Земли, сонниками. В большинстве своем это были небольшие предприятия, основанные не менее трехсот-четырехсот лет тому назад, а два или три заведения почтенной древности уже превратились в общественные учреждения. Визрод! Небольшой город на полузабытой планете в центре Большой Дыры, но для тариотов – средоточие разумной жизни... Джубал медленно поднялся на ноги. Определив стороны света по величине угла между Морой и Скаем, он двинулся примерно в направлении залива Тенистерле.

Но Визрод, город таинственный и сложный, снова унижил Джубала. Горец бродил взад и вперед по пересекавшимся под всевозможными углами улицам и тупикам, выходя на почти безлюдные маленькие площади, спускаясь и поднимаясь по истоптанным ступеням узких лестниц-переулков. Просторный бульвар, вплотную обрамленный высокими многоэтажными домами, неожиданно упирался в фасад Дворца поминовений. В конце концов Джубал оста-

новил кеб и потребовал, чтобы его отвезли на Парадную набережную. «Набережная в двух шагах, – заметил извозчик, оглядывая Джубала с головы до ног. – Почему не пройти пешком?»

«Запутался я в вашем проклятом лабиринте, – признался Джубал. – Отвезите меня на берег залива, в какой-нибудь приличный отель, где можно дышать морским ветром».

«Такому, как вы, гостиница „Кораблекрушение“ подойдет как нельзя лучше».

«Пусть будет „Кораблекрушение“, поехали», – печально вздохнул Джубал.

Экипаж прогремел по Парадной набережной к гостеприимно-неряшливому строению, спрятавшемуся под тенистыми кронами трех старых сыродалей, с длинной верандой, обращенной к заливу, и таверной, где подавали эль, вино, устричный пунш и жареную рыбу для желающих подкрепиться – такова была гостиница «Кораблекрушение».

Джубалу отвели комнату с выходом посреди веранды. В таверне он рассеянно покончил с парой рыбных котлет и кружкой пива, после чего мрачно поднялся на веранду.

У двери, ведущей в номер, его ждал высокий молодой человек, со скучающим видом наматывавший на палец цепочку небольшого кулбраса. Стройный, томный, в высшей степени элегантный незнакомец всей своей внешностью демонстрировал умудренность жизнью и привычку возвращаться в сферах, недоступных непосвященным.

Джубал задержался, чтобы оценить ситуацию. Пристав-убийца? Вряд ли. Еще не прошло достаточно времени для оформления бумаг.

Молодой человек безразлично наблюдал за Джубалом. Когда тот подошел к двери, незнакомец спросил: «Джубал Дроуд?»

«Что вам нужно?»

«Его превосходительство Нэй Д'Эвер желает, чтобы вы явились в его ведомство в Парларии завтра утром, с наступлением четвертого часа».

В уме Джубала взорвался электрический разряд холодной ярости: «А ему что нужно?»

«На этот счет ничего не могу сказать».

«Если ему не терпится поболтать, пусть навестит меня здесь. У меня к нему нет никаких дел».

Молодой человек взглянул на Джубала с бесстрастным любопытством, но даже не пожал плечами: «Вы слышали, что я сказал». Он повернулся, чтобы уйти.

«Вы, по-видимому, меня не поняли, – задержал его Джубал. – Мы с Д'Эвером в расчете. Я ему ничем не обязан, и он мне ничего не должен. Если ему что-то от меня нужно, он приходит ко мне. Если мне что-нибудь потребуется от него, я приду к нему. Будьте добры, разъясните господину Д'Эверу положение вещей».

Посыльный сухо улыбнулся: «С наступлением четвертого часа в Парларии». С этими словами он ушел.

Глава 5

«Опишите обстоятельства точно и подробно», – откинувшись на спинку кресла, Нэй Д'Эвер остановил прозрачный взор на Джубале, пытавшемся во что бы то ни стало сохранить достоинство и отвечавшем столь же спокойным пытливым взглядом. Увещевания, ирония, горячность были бы в равной степени бессмысленны. Джубал отреагировал на указание нарочито бесстрастным тоном: «Мне почти нечего добавить к тому, что я уже рассказал».

«Тем не менее, я хотел бы выслушать подробный отчет».

Джубал на минуту задумался: «Я провел в лечебнице Айво три недели, не вставая с койки. За это время я успел изучить карту окрестностей. Зачем человек – как теперь известно, Рамус Имф – путешествовал таким необычным способом в столь отдаленном пограничном районе? Карта подсказала возможную причину. Верхняя тропа вела в Глентлин по дикому высокогорью, но в девяти километрах от Айво был постоянный двор с трактиром «Заоблачная роща». Я позвонил туда из лечебницы – там не видели ни Рамуса Имфа, ни его эрцикл, ни перруптеров. Таким образом, Рамус выехал на тропу где-то между горой Кардун и трактиром «Заоблачная роща». В Айзеделе тропа вьется по обрывистым склонам над поросшими лесом ложбинами. Там нет дорог. Зато с джанадского плоскогорья в нескольких местах на тропу можно выехать без труда. Я решил, что мой духовный должник¹⁸ выехал на Верхнюю тропу с джанадской территории. Но чем такой человек, как он, занимался в Маркативных горах по ту сторону границы? На этот вопрос я ответить не мог.

Когда меня выписали из лечебницы, я направился по Верхней тропе на запад. Под горой Кардун тропу уже отремонтировали – путь был свободен. Дальше я шел очень медленно, изучая состояние обочины и надеясь найти место, где Рамус Имф выехал на тропу. Я нашел это место всего лишь в трех километрах к западу, обогнув гору. Следы трудно было заметить – Рамус пытался их замести – но я все равно их нашел. Следы вели налево через джанадскую границу, на том участке оказавшуюся меньше, чем в километре от тропы. Загадочное обстоятельство, возбудившее мое любопытство.

Я шел по следам альпийскими лугами, вниз по долине. Как я уже сказал, это дикое место, там никого нет. Я не знал, куда могли завести следы, и опасался бродить по Джанаду в одиночку – с собой у меня не было никакого оружия, кроме глинтского клинка. Я решил идти не больше двух часов, чтобы вернуться в «Заоблачную рощу» до захода солнца. Колея, оставленная эрциклом, была отчетливо видна. Она спускалась по широкой долине, огибала лес и обрывалась на лугу, заросшем стеблезубом и неприкайной травой. Я обошел весь луг кругом – дальше следов не было. Невероятно! Как человек уехал на эрцикле, если он ниоткуда не приезжал? Я обыскал этот луг вдоль и поперек. В самой середине его обнаружили несколько проплешин, где неприкайная трава была примята чем-то тяжелым. Между проплешинами трава пожелтела и высохла. Не приземлился ли на лугу звездолет? Я вспомнил звуки, раздававшиеся утром того дня, когда на тропе появился Рамус, и уже почти не сомневался: Рамус Имф спустился на луг с трапа космического корабля. Он побывал на другой планете и вернулся».

«Он мог встречать прибывший корабль», – заметил Нэй Д'Эвер.

«Колея покидала луг. Другой колеи не было».

«А перруптеры? На них были униформы?»

¹⁸ Вольный перевод термина «смайдаир», означающего человека, приобретающего «ману», т. е. нематериальное преимущество или возможности, за счет другого человека, что приводит к нарушению психологического баланса. Такой ущерб нередко признается обеими сторонами и добровольно компенсируется. В других случаях возмещение, необходимое для восстановления баланса, взимается принудительно и практически почти неотличимо от «возмездия», хотя между этими понятиями существует принципиальная разница.

«Бурые мундиры, черные шаровары. Я заглянул в справочники; такая форма нигде не упоминается».

«Будьте добры, продолжайте».

«Я тщательно обыскал место приземления, будучи убежден, что пассажиром звездолета был никто иной, как Рамус Имф».

«Разумное предположение», – кивнул Д'Эвер.

«Потом я подумал, что перруптеры могли не знать точное время прибытия Рамуса – в таком случае они должны были где-то его ждать. Побродив по ближайшему лесу, я нашел поляну, где стояли лагерем перруптеры. Более того, я нашел яму, куда они свалили отбросы. Но дело шло к вечеру. Вернувшись по следам на Верхнюю тропу, я заночевал в „Заоблачной роще“».

Нэй Д'Эвер смотрел в окно на Траванский сквер. Разглядывая безмятежное лицо, чем-то напоминавшее лисью морду с непомерно разросшимся черепом, Джубал пытался угадать, улыбнется ли ему удача.

Д'Эвер повернулся к Джубалу: «Все остается по-прежнему».

«Как насчет Рамуса? Его надлежит отдать под суд за нарушение Закона о чуждых влияниях!»

«Как правило, мы так и поступаем. Но в тех случаях, когда подозреваемый ведет себя необычно, мы интересуемся характером его деятельности и притворяемся, что не замечаем незначительные проступки, чтобы выявить сообщников и получить общее представление о происходящем. Если можно так выразиться, когда рыба начинает клевать, мы не торопимся наматывать леску. Но для вас все это несущественно».

«Напротив, Рамус Имф – мой кровный должник!»

«Он не согласился бы с таким взглядом на вещи. Он в ярости, в бешенстве – нарушены все его планы».

«Какое мне дело до его планов? Рамус нанес мне увечья, а я всего лишь не допустил, чтобы ему оказали незаслуженную честь».

«Видите ли, Рамус ценит показные знаки внимания гораздо больше, чем сотню таких жизней, как ваша».

«У меня другая система ценностей».

Нэй Д'Эвер ответил решительным жестом – аудиенция была закончена. Он пододвинул к Джубалу лежавший на столе конверт: «Вознаграждение за ваши услуги. В Визроде нет вакантных должностей. Возвращайтесь в Глентлин, займитесь чем-нибудь полезным. От души желаю вам удачи».

Джубал поднялся на ноги: «Вас интересует, куда Рамус летал на звездолете?»

Д'Эвер отозвался с неожиданным беспокойством: «Почему вы спрашиваете?»

«Просто из любопытства. Мне нетрудно было бы узнать, где он проводил время».

«Неужели? Каким образом?»

«Этого я не могу сказать, пока не будут удовлетворены некоторые условия».

Нэй Д'Эвер откинулся на спинку кресла: «О каких условиях идет речь?»

«Об обстоятельствах сугубо личного свойства. Вас они не касаются – в конце концов мы не друзья и даже не давние знакомые».

«Верно, – вздохнул Нэй Д'Эвер. – Тем не менее, мне придется вас выслушать». Жестом он пригласил Джубала сесть: «Пожалуйста, время не ждет».

Джубал снова уселся: «Возможно, я чрезмерно шепетилен, но наши отношения развиваются не столь гармонично, как хотелось бы. Я привез вам письмо, а вы отказались его прочесть».

«Пустьяки. Давайте не будем портить друг другу настроение взаимными упреками и тщетными сожалениями».

«Я не в силах заставить вас испытывать ко мне дружеские чувства, но вправе требовать, чтобы мне оказывали уважение».

«Молодой человек! – чуть приподнял голову Нэй Д'Эвер. – Насколько я могу судить, в уважении вам никто не отказывал».

«Ваше внимание к моим интересам отличается исключительной сдержанностью».

«У каждого своя манера вести дела».

«Превосходно – будем считать, что моя судьба вам не безразлична. В таком случае, могу ли я нанести визит вашей дочери?»

Брови Д'Эвера взметнулись: «Такая встреча была бы в высшей степени неудобна – тем более, что Миэльтруда собиралась выйти замуж за Рамуса Имфа».

«Собиралась?»

Д'Эвер пожал плечами: «Обстоятельства изменились. Кто знает, что произойдет? Но мы достигли какого-то взаимопонимания. Я оказываю вам подобающее уважение, но вы не можете наносить визиты леди Миэльтруде. У вас, надо полагать, есть другие условия?»

«Разумеется. Я приехал в Визрод, рассчитывая устроиться на службу. С этой целью я вручил вам рекомендательное письмо. На этот раз прошу вас отнестись к нему достаточно внимательно».

«Хорошо», – Нэй Д'Эвер небрежно протянул руку, Джубал вложил в нее письмо.

Пробежав глазами несколько строк, Д'Эвер медленно поднял голову: «За вас поручился Вайдро – Ржавый Призрак. Почему вы не сказали сразу? Впрочем, неважно». Служитель народа вздохнул: «Видимо, придется что-то для вас сделать – хотя вы уже восстановили против себя всех, с кем успели встретиться в столице. Поймите, с просьбами устроить родственников на теплое местечко ко мне обращаются по двадцать раз в день. Ладно, подыщу вам подходящую работу – но не более того».

«Сколько я буду получать? Будут ли у меня возможности для продвижения по службе?»

«Зарплата будет достаточной, а ваша карьера будет зависеть от ваших способностей. Могу только положить ей начало. Еще какие-нибудь условия? Нет? Тогда давайте поговорим о Рамусе Имфе».

«С удовольствием. Вы хотите знать, куда он летал. Могу ли я поинтересоваться, почему вас это беспокоит?»

Нэй Д'Эвер выпрямился в кресле и сухо произнес: «Я согласился устроить вас на службу – по необходимости в одном из подчиненных мне ведомств. В качестве частного лица я терпел ваши достаточно оскорбительные претензии. Теперь я ваш официальный руководитель, и вы обязаны демонстрировать предписываемую правилами и традицией почтительность. Впредь потрудитесь выполнять мои указания, держите язык за зубами и попытайтесь перенять у окружающих хотя бы самые элементарные навыки цивилизованного поведения. Итак, без дальнейших отступлений, расскажите мне все, что знаете».

«Закончив расследование на месте приземления звездолета, – ответил Джубал, – я продолжил поиски в лесу, где, как я уже упомянул, обнаружились следы ночевки отряда перруптеров, в том числе полузаполненная и присыпанная землей яма для отходов. Таким образом подтвердилась моя первая догадка».

Когда Рамус Имф покусился на мою жизнь, он был одет как высокородный тариот. Я спросил себя: неужели Рамус щеголял в тариотском наряде, находясь на корабле и на другой планете? Не разумнее было бы предположить, что встречавшие Рамуса перруптеры передали ему одежду местного покроя? Если так, что стало с его инопланетным костюмом? Назовем это догадкой номер два.

Сопоставив две догадки, я сделал наиболее вероятный вывод и раскопал яму с отбросами. В ней я нашел сверток с одеждой необычного покроя. Возвращаясь из Джанада в Тэйри, я взял этот сверток с собой».

Нэй Д'Эвер издал тихий торжествующе-иронический возглас – как впоследствии понял Джубал, единственный знак одобрения, существовавший в эмоциональном лексиконе вельможного министра.

«Где этот костюм теперь?»

«Я спрятал его неподалеку».

Д«Эвер нагнулся к металлической сетке переговорного устройства: «Пришлите Эйванта».

Распрямившись, он продолжал: «Ваша должность – младший помощник санитарного инспектора в Третьем отделении Коммерческого управления. Вашим начальником будет Эйвант Дасдюк. Он разъяснит ваши обязанности. В Третьем отделении продвижение по службе целиком и полностью зависит от Эйванта. Если вы добьетесь успеха, с благодарностями обращайтесь к нему».

Через много лет, вспомнив эти слова, Джубал устало усмехнулся.

В кабинет вошел долговязый молодой человек, вечером предыдущего дня передавший Джубалу приказ явиться к Нэю Д'Эверу.

«Джубал Дроуд согласился занять должность в Третьем отделении, – поведал ему Д'Эвер. – Проинструктируйте его. Но прежде всего я хотел бы, чтобы вы сопроводили его в известное ему место поблизости, где он передаст вам на хранение некий сверток. Принесите мне этот сверток немедленно».

Эйвант молча вышел. Джубал колебался.

Нэй Д'Эвер отвернулся и погрузился в чтение брошюры.

Джубал последовал за Эйвантом Дасдюком.

Глава 6

Визродские кебы славились по всей стране. Похожие на катафалки вездесущие темные колымаги, узкие и высокие, переваливались по мостовым на непропорционально маленьких, близко посаженных колесах, опасно кренясь на поворотах. Днем они роились на бульварах подобно нелепым гигантским насекомым, а по ночам сломя голову носились во мраке, заметные лишь благодаря тусклым габаритным огням.

В таком экипаже Джубал и Эйвант Дасдюк отправились в аэропорт. Они ехали молча – Дасдюк предпочитал не говорить лишнего. Джубал не мог не завидовать надменной самоуверенности спутника, державшегося так, как если бы безошибочность суждений по любым доступным воображению вопросам была его естественным, врожденным правом, как если бы ничто не могло привести его в замешательство или вызвать у него сомнения.

Тем не менее, начальственные размышления Эйванта носили вполне практический характер. Дождавшись удобного момента, он покосился на Джубала: «Какой вам присвоили чин?»

«Младшего помощника инспектора».

Эйвант поморщился, недоуменно качая головой: «Инспекторов у нас хоть отбавляй. Как вы ухитрились пролезть без очереди? Ума не приложу». Выдержав паузу, Эйвант задумчиво добавил: «Третье отделение – не для слабонервных».

Джубал осмелился вежливо спросить: «В чем будут состоять мои обязанности?»

«Придется перераспределить наряды, – неожиданно резко, деловым тоном отозвался Эйвант. – Главным образом мы занимаемся инспекцией постоянных дворов – проверяем чистоту помещений, свежесть продуктов, вежливость обслуживания. Вы пройдете предварительный инструктаж, после чего сразу приступите к работе – практический опыт незаменим. Предупреждаю, повышения в должности приходится ждать годами».

Джубал тяжело вздохнул. Не на такую службу он рассчитывал. Любая работа лучше, чем никакая? Может быть. Не обязательно.

Эйвант небрежно полюбопытствовал: «За каким свертком мы едем?»

Нэй Д'Эвер не давал на этот счет недвусмысленных указаний, но сама природа вещей требовала исключительной предусмотрительности. С другой стороны, Джубал не горел желанием восстанавливать против себя непосредственного начальника и ответил почти без задержки: «Думаю, что в свертке какая-то ткань, скорее всего одежда». В этом Эйванту в любом случае предстояло убедиться своими глазами.

«Одежда? Чья одежда?»

«Насколько мне известно, именно этот вопрос интересует Нэя Д'Эвера. Вы уже дослужились до старшего инспектора?»

«Разумеется», – обронил Эйвант и нехотя продолжил: «Не слишком престижная профессия. В столице у Дасдюков нет влиятельных покровителей. Мы из Древодруна».

«Чем занимаются в Первом и Втором отделениях?»

«Первому поручено обеспечение безопасности на промышленных предприятиях. Второе отделение контролирует цены и качество продукции. Четвертое – палата мер и весов. Пятое занимается оценкой имущества. Шестое отделение, само собой – внутренняя полиция Тэйри. На нас свалили самую неблагоприятную работу».

«Почему же вы решили делать карьеру в Третьем отделении?»

«Тот же вопрос можно задать и вам».

В этом случае у Джубала не было причин что-либо скрывать: «Мне не предложили ничего лучшего».

Эйвант смотрел на плывущий за окном пригородный пейзаж. Помолчав, он сдержанно заметил: «В нашей профессии есть свои преимущества. Инспектор путешествует по стране, встречается с самыми разными людьми».

«А заработок?»

«Поначалу вы будете получать семнадцать тольдеков в неделю, плюс командировочные – на дорожные расходы».

«Семнадцать тольдеков? Нищенский оклад!»

«Наш бюджет невелик. Чтобы сводить концы с концами, младшему персоналу приходится затягивать пояс».

Джубал огорченно откинулся на спинку сиденья. Конечно! Д'Эвер упомянул «достаточный заработок», а не «щедрое вознаграждение». В Визроде такими нюансами пренебрегать нельзя.

«Сколько получает старший помощник инспектора?»

«Двадцать девять тольдеков в неделю».

«А если я дослужусь наконец до инспектора?»

«Сможете зарабатывать сорок-пятьдесят тольдеков. Многое зависит от человека, а не от должности».

Они прибыли к зданию аэровокзала на мысу Суль. Джубал достал сверток из камеры хранения и вручил его Эйванту. Оба вернулись в город. Кеб спустился с холма и выехал на Парадную набережную. У гостиницы «Кораблекрушение» Джубал решил выйти. Эйвант Дасдьук не преминул напомнить: «Завтра явитесь в комнату №95 к первому часу утра. Вашим обучением займется заместитель старшего инспектора».

Кеб загромыхал дальше по Парадной набережной. Подойдя к балюстраде, Джубал долго смотрел на залив Тенистерле. Открывался шлюз – на спокойную гладь внутренней бухты выскользнула красивая фелука¹⁹ с темно-лиловыми бортами, движимая двумя ярко-оранжевыми воздушными змеями-парусами... Семнадцать тольдеков в неделю! Обучение славным традициям проверки нужников и грязного белья... Младший помощник инспектора постоянных дворов Джубал Дроуд, прилежный и почтительный служака, имеет честь засвидетельствовать почтение леди Миэльтруде Д'Эвер...

Эйвант Дасдьук вошел в кабинет Нэя Д'Эвера через потайную дверь. Д'Эвер распечатал сверток и разложил его содержимое на столе.

Перед ними были четыре предмета одежды. Во-первых, кирпично-красная куртка неслыханного покроя, широкая и свободная в плечах, но узкая в талии. Во-вторых, брюки в вертикальную канареечно-желтую и серебряную полоску, мешковато-просторные в бедрах и коленях. В-третьих, глянцево-темно-зеленые кожаные ботинки со щегольскими отворотами, прикрывавшими лодыжку, с удлиненными острыми носками и подошвой с двумя упругими дисками под пяткой и под опорными суставами пальцев ног. В четвертых, темно-красная вельветовая шляпа с загнутыми вверх полями и хитроумными складками, украшенная сбоку бантом из желтых лент.

¹⁹ Фелуками, плавающими по Пространному океану, управляют «океанские националы», объявившие весь Пространный океан своим суверенным владением и контролирующие все торговые трассы и пассажирские маршруты. Перелеты над океаном по воздуху строго запрещены – каждая фелука вооружена пушкой с автоматическим устройством захвата и сопровождения цели и бронебойными снарядами. Националы, численностью не превышающие двадцати тысяч человек, не могли бы, по всей видимости, обеспечивать соблюдение своих требований, если бы не молчаливая поддержка Тэйри, откуда происходит большинство националов. По существу, океанских националов нередко рассматривают как особую касту тариотов. Фелуки – небольшие суда, отличающиеся благородством осанки и изяществом пропорций – изготавливаются ваэлями Уэлласа в Земнокаменной Заводе. В длину они могут достигать двадцати трех метров и движутся в основном под парусами-змеями. В экваториальных широтах Маска преобладают восточные ветры. Поэтому океанские националы, как правило, плывут по ветру, в западном направлении, из одного моря в другое, от одного порта к другому, совершая непрерывные кругосветные рейсы.

«Узнаёте костюм?» – спросил Нэй Д'Эвер.

«Видел что-то подобное в архивах. Не припомню, придется уточнить».

«Так одевался Рамус Имф, когда летал на другую планету».

«Откуда это известно?»

«Показания глинта. В них трудно сомневаться».

Эйвант с отвращением разглядывал одежду: «Скай, надо полагать, исключается?»

Нэй Д'Эвер слегка улыбнулся: «Не могу себе представить Рамуса Имфа в компании байнадаров. Нет. Он летал гораздо дальше».

«Странно».

«Очень странно. О заурядной контрабанде не может быть и речи. Так или иначе, наше дело – выяснить, что он затевает. Установите слежку».

«Как прикажете».

Д'Эвер указал на инопланетную одежду: «Поговорите с техниками, постарайтесь что-нибудь узнать. Мы, тариоты – закоснелые провинциалы. Возможно, изоляция дает неопенимые преимущества, но мы практически ничего не знаем о Вселенной. Настало время устранить это упущение».

«Наш бюджет недостаточен. Потребуется гораздо больше средств».

«Верно. С деньгами туго. Попробуй объясни такие расходы Майрусу! Придется подумать. Ну что, как вам нравится ваш новый инспектор?»

«Глинт? Кажется, он достаточно умен и умеет промолчать, когда нужно. Сомневаюсь, однако, сумеет ли он проявить требуемую бесстрастную безотказность», – Эйвант намекал на одно из редких энергичных заявлений Д'Эвера, как-то провозгласившего: «Третье отделение – моя послушная машина. Ее человеческие компоненты должны функционировать с бесстрастной безотказностью!»

Нэй Д'Эвер посоветовал: «Обращайтесь с ним осторожно. Используйте его там, где эмоциональная мотивация может служить положительным фактором».

Джубал Дроуд слонялся по Парадной набережной. Вечерело – небо приобрело сливово-фиолетовый оттенок. Заходивший Скай навис над горизонтом огромным серебряным серпом. По набережной сновали темные силуэты прохожих, погруженных в свои неведомые думы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.